

ГЕРМАНСКИЙ ГЕРМЕС

Музыкальные драмы
немецких и австрийских
композиторов

Коллектив авторов

Германский Гермес.
Музыкальные драмы немецких
и австрийских композиторов.

«Алетейя»

УДК 792.026
ББК 85.319

Коллектив авторов

Германский Гермес. Музыкальные драмы немецких и австрийских композиторов. / Коллектив авторов — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-041-6

УДК 792.026
ББК 85.319

ISBN 978-5-00165-041-6

© Коллектив авторов
© Алетейя

Содержание

Георг Фридрих Гендель	6
Здравствуй, Царица	6
Иоганн Себастьян Бах	7
Магнификат	7
Леопольд Моцарт	9
Воистину Ты – Богочеловек!	9
Йозеф Гайдн	11
Возвращение Товии	11
Вольфганг Амадей Моцарт	46
Музыка к пантомиме	46
Рихард Вагнер	47
Лойбальд	47
Первое действие	48
Второе действие	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Германский Гермес. Музыкальные драмы немецких и австрийских композиторов

Светлой памяти Кирилла Ивановича Никонова

Георг Фридрих Гендель

Здравствуй, Царица

для сопрано с оркестром

Сопрано.

Здравствуй, Царица,
Мать милосердия,
Жизнь, сладость
И наша надежда,
Здравствуй!
К Тебе взываем,
Изгнанные дети Евы,
По Тебе тоскуем,
Скорбящие и плачущие
В долине слёз.

Обрати, Заступница,
На нас взор Твоих
Милосердных очей
И, после нашего
Изгнания, яви нам,
Твоим приверженцам,
Благословенный плод
Твоего чрева, Иисуса.

О, милосердная,
О, благочестивая,
О, сладостная Дева!

Иоганн Себастьян Бах

Магнификат

Хор.

Величит душа моя Господа.

Ария меццо-сопрано.

И возликовал дух мой во Боге,
моём спасителе.

Ария сопрано.

Он призрел на смирение Своей рабыни.
Вот почему меня назовут блаженной.

Хор.

Все поколения!

Ария баса.

Много для меня сделал
Могущественный, и имя Его свято.

Дуэт альты и тенора.

Страшались Его из поколения
в поколения – милосердие.

Хор.

Он создал в длани Своей силу,
Он рассеял гордых умом сердца своего.

Ария тенора.

Он низложил могущественных
и возвысил смиренных.

Ария альты.

Он преисполнил благами алкающих
и отверг богатых, отверг суетных.

Терцет для двух сопрано и альты.

И породил Израиль своего Сына,
не забывший о своём милосердии.

Хор.

Как и сказано нашим отцам,
Аврааму и роду его в веках.

Хор.

Слава! Слава Отцу! Слава Сыну! Слава Святому Духу! Так было в начале, и ныне, и
присно, и во веки веков! Аминь.

Леопольд Моцарт

Воистину Ты – Богочеловек!

Сочинено 11 апреля 1755 года

Сопрано (*ария*).

Воистину Ты – Богочеловек!
Воистину, воистину, воистину
Ты – Богочеловек!
Пусть насмеются враги, —
Смерть и страдания
Никогда не разлучат меня с Тобою
И не сумеют угасить любовь!

Воистину Ты – Богочеловек!
Воистину, воистину, воистину
Ты – Богочеловек!
Пусть насмеются враги, —
Смерть и страдания
Никогда не разлучат меня с Тобою
И не сумеют угасить любовь!

И ад, и смерть осмеяны
Твоею крестной смертью;
И ад, и смерть осмеяны,
Их силу сокрушила
Непобедимая божественная мощь.

Ты мой оплот, Господь,
Податель помощи Ты,
Саваоф, Господь!

Йозеф Гайдн

Возвращение Товии

оратория в двух частях

Сочинение 1775, 1784 годов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рафаил сопрано
Сарра сопрано
Анна альт
Товия тенор
Товит бас
Хор евреев

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Картина первая

Товит, Анна и хор евреев.

О, Отец Израиля,
Сжалься над несчастной
Скорбящей матерью!
Сжалься над бедным отцом!

О, могущественный Царь Небесный,

Положи конец дням плача!
Сделай так, чтобы Товия
Благополучно возвратился домой!

Евреи.

Прости и успокой волнение
Слабого и трепещущего
Материнского сердца!
Вознагради нерушимую надежду
Преданного Тебе отца.

Анна.

Нет, он не возвращается! О Боже!

Глядит на сельскую дорогу.

О Господи! Товит!
Наша надежда тщетна.

Снова обращается к Товиту.

Наш дорогой сын,
Наш возлюбленный Товия —
Эта сладостная опора
Нашей старости
И наше единственное
Утешение в рабстве —
Наш несчастный
Товия мёртв! (*Плачет.*)

Товит.

Анна, супруга моя,
Ах! верь мне! не плачь!

Выходит вперёд, ведомый двумя невольниками.

Не терзай себя
Напрасными страхами.
Наш сын жив,
И он скоро вернётся назад.
Верь: он будет здесь.

Анна.

Кто знает, удалось ли ему
По прибытии в Раги получить
От Гаваила золото,
За которым ты его послал?

Товит.

Я не испытываю тревоги...

Анна.

Ты ни о чём не тревожишься —
Я же пятнадцать дней,
Не теряя надежды,
Жду его возвращения,
А его всё нет и нет!
Неужели тебе требуются
Более веские доказательства того,
Что произошло несчастье?

Товит.

Быть может, нашего сына
Задержали празднества.

Анна.

Как ты можешь так думать?

Товит.

Мне пригрезился сон,
Что Сарра, дочь моего
Родственника Рагуила, —
По внушению неба
И Асмодею на позор —
Стала супругой моего сына.

Анна.

О, пустые грёзы!
Неужели ты не знаешь о том,
Что этот злой дух убивает
Каждого жениха,
Отваживающегося
Приблизиться к Сарре?
Что ж, если Товия,
Повинуясь своей
Неразумной любви,

Доверился Сарре,
То мне надлежит
Оплакивать его смерть.

Товит.

Он имеет право на её наследство.

Анна.

Наследство невесты,
Приданое которой – смерть?

Товит.

Молчи, возлюбленная супруга!

Анна.

Умолкни сам вместе
Со своими грёзами
И пустыми надеждами!
Дай мне оплакать
Моего мёртвого сына!
Вопреки моему желанию
Ты велел ему отправиться в путь, —
Неужели теперь ты хочешь
Обмануть моё
Материнское сердце?
О горе! Моё внутреннее
Преисполненное скорби
Чувство меня не обманывает.

Товит.

Но...

Анна.

Глупец!
Из-за своего чрезмерного
Милосердия к непогребённым
Ты потерял свет своих очей!
Быть может, ты испытываешь
Ко мне зависть? Ведь я могу
Сладко любоваться видом
Такого сына, а ты нет!

Товит.

Но...

Анна.

Ещё раз подвергни
Свою жизнь опасности:
Вместо того чтобы
Вкушать пищу,
Предай мёртвых земле —
И Ниневия и Ассирия
Снова вознаградят
Тебя насмешками!
К чему, скажи,
Привело твоё милосердие?
Твои добрые дела
Всегда приносили тебе
Горькие плоды!

Ария Анны.

Воин покрывался потом,
Но сумел завоевать славу;
Мореход содрогался от страха,
Но сумел разбогатеть;
Иногда сельскому жителю
Приходится стонать
От своих трудов,
Но однажды его
Вознаграждает
Обильный урожай.
Ты же проводишь годы
В трудах и жалобах,
И твоя награда —
Тяжкие страдания.
Ты хвалишься своими
Заслугами, Товит,
Но ясно как день,
Что у тебя их нет
И никогда не будет! (*Уходит.*)

Товит.

Умерь свою скорбь!
И не печаль меня своим
Пагубным гневом и своими
Несправедливыми упрёками!
Ты снова увидишь своего
Возлюбленного сына,

И в благодарность за это
Ты будешь петь
Хвалебную песнь
Великому Господу.
Выслушай меня, Анна!
Анна меня не слышит...

Ария Товита.

Услышь меня в моём горе,
О, Господи, воззри на меня
Со Своего высокого трона!
Я люблю Тебя,
Я верю в Тебя,
И я уповаю на Тебя,
Великий, истинный Бог!
Покажи мне,
Если это Тебе угодно,
Что мои упования
На Тебя не напрасны! (*Уходит.*)

Картина вторая

Анна, затем Рафаил

Анна.

Не Азария ли это,
Получивший плату?

Смотрит в ту сторону, откуда является Рафаил.

Не тот ли это спутник,
Которого избрал себе Товия?
Великий Боже!
Он возвращается
В одиночестве.
О горе! Мой страх
Был не напрасен!
У меня голова идёт кругом...
Что ж, я должна
Держать себя в руках.
Я соберу все свои силы
И невозмутимо
Выслушаю его.
Ох, как сильно бьётся
Моё сердце!

Рафаил (*именующий себя Азарией*).

Анна!

Анна.

С моим сыном?
Говори же скорее!
Ах, нет! Молчи, Азария,
Молчи, если ты хочешь
Сообщить мне о том,
Что Товия мёртв!

Рафаил.

Когда мы достигли Тигра,
Товия вступил в его потоки,
И вдруг на него напало
Ужасное, покрытое
Водорослями чудовище.

Анна.

Оно проглотило его?
И Товия погиб?

Рафаил.

Нет. Оно лишь испугало его.
Я сумел защитить Товию.
Побудив его к борьбе,
Я научил его, как победить
Врага, – и слабый,
Несмышлённый юноша
Одолел чудовище,
Вытащил его на берег
И распотрошил.

Анна.

Теперь я могу
Вздыхнуть спокойно.

Рафаил.

Когда же твой сын
Прибыл в Екбатаны,
Он – по Божьему внушению —

Попросил руки дочери Рагуила
И взял её в супруги.

Анна.

О небо! То, что видел во сне
Товит, оказалось правдой!
Семь женихов Сарры
Приняли смерть, как только
Вступили с ней в брак?
Так ли это?

Рафаил.

Да, это так. Но Товия,
Ободрённый наследством,
Не утратился
Претерпеть страдания...

Анна.

О горе!
И он стал восьмым из тех,
Кто принял смерть?

Рафаил.

Нет. По моему совету
В ту роковую ночь он сжёг
У подножья брачного ложа
Сердце убитого чудовища.
Явившийся Асмодей
Застал его творящим
Молитву вместе с невестой.
Запах и дым ужаснули
Асмодея, и он,
Смутившись священных
Песнопений, сокрылся.

Анна.

Господь милосердный!
И что же мой сын?

Рафаил.

Вместе со своей супругой
Он возвращается сюда.
Я ускорил свои шаги

И явился прежде них.

Анна.

Идём же!..
Ах, я вне себя от радости!
Поспешим Товии навстречу!
Нет! Ступай, приведи Товита
И вместе с этим достопочтенным
Слепцом следуй за мной!
Хотелось бы мне одновременно
Устремиться к своему сыну
И к своему супругу!
От радости моя голова
Идёт кругом!

Рафаил.

Выслушай меня, Анна!

Ария Рафаила.

Твой дорогой сын,
Которого ныне тебе
Возвращает небо,
Должен вернуть
Ожидающему его
Отцу свет очей,
И твой сын совершит
Это неслыханное дело
Своей милосердной дланью.

Уходит.

Анна.

Что он сказал?
Неужели мой сын исцелит
Очи своего слепого отца?
Неужели он совершит то,
Что безуспешно пытались
Сделать самые мудрые врачи?
Мой Бог!
Да, я хочу в это верить.
Я сильно раскаиваюсь в том,
Что мои надежды были слабы,
И в том, что своими
Упрёками я опечалила
Сердце супруга.

Я хочу попросить
У него прощения.
И Тебя тоже, благой Боже,
Я прошу даровать
Мне прощение;
И я надеюсь, что Ты
По Своей благодати
Исполнишь мою просьбу.
О, несотворённый Творец!
Если Ты ныне возвратишь
Мне моего сына,
То смогу ли я,
Заслужившая самую
Суровую кару,
Сомневаться
В Твоём милосердии?
Лишь Ты один – великий,
Истинный и всемогущий!
И мои уста не в силах
Описать Твою благодать.

Уходит, удаляясь по сельской дороге.

Хор.

Великий Боже!
Лишь Ты один – великий,
Истинный и всемогущий!
И мои уста не в силах
Описать Твою благодать.

Картина третья

С другой стороны показываются Сарра и Товия.

Товия.

Сарра, моя возлюбленная супруга,
Наконец-то ты достигла
Дома моего отца!

Сарра.

Где же твой отец?
Где же твоя мать?

Товия.

Быть может, Азария
Повёл их нам навстречу
По главной дороге.
Я же следовал
Кратчайшим путём.
Вот почему мы
С ними не встретились.

Сарра.

Дорогой Товия, ступай,
Разыщи их: я, как и ты,
С нетерпением хочу
Преклонить пред ними колени.

Товия.

Возлюбленная супруга,
Повиноваться тебе
Для меня величайшая радость!

Ария Товии.

Каждое словечко,
Слетающее с твоих
Сладостных уст,
Преисполнено грации
И дышит добродетелью,
Разумом, нежностью и любовью.
Твои прелестные уста
Заставляют меня с любовью
Тебе повиноваться,
А все твои желания
Указывают на то, сколь
Благостно твоё сердце.

Уходит, удаляясь по сельской дороге.

Сарра.

Отец праотца Адама,
От всего сердца
Благодарю Тебя!
Ты благословил мой путь, —
И если это угодно
Твоей воле, то благослови
И моё пребывание здесь!

Ария Сарры.

Я в доме моего
Возлюбленного супруга,
И я не сомневаюсь
В его добродетели.
Мой Бог, я возлагаю
Свою надежду на Тебя,
Ибо Ты – источник всех благ.

Хочет уйти.

Картина четвертая

Рафаил, Товит, Сарра, затем Анна под руку с Товией.

Рафаил (*обращаясь к Товиту*).

Господу было угодно
Открыть тебе правду во сне.

Товит.

Неужели длань Товии
Вернёт мне зрение?

Рафаил.

Не сомневайся в этом!

Сарра (*в сторону*).

Это Товит!

Рафаил.

Товит, пред тобой стоит
Супруга твоего сына.

Сарра.

О, добрый отец моего
Возлюбленного супруга!
Я хочу засвидетельствовать
Тебе свою почтительную любовь,
Склонив её к твоим ногам!

Сарра встаёт на колени перед Товитом и целует ему руку.

Товит.

О, Сарра, да будет
Прославлен Бог,
Который привёл тебя к нам
И Который тебя оберегает!

Рафаил.

А вот и Товия,
Он в объятьях своей матери.

Анна.

Ах, сын мой,
Я хочу умереть:
Я прожила довольно,
Ибо я снова узрела тебя!

Товия.

О, нежная мать!
Моя супруга склонила
Колени перед Товитом, —
Позволь же мне напечатлеть
На руке моего отца
Сладостные поцелуи
Благоговейной любви!

Товия отпускает Анну и встаёт перед Товитом на колени.

Товит.

Возлюбленный сын,
Милая Сарра,
Подойдите ко мне!..

Анна.

Я тоже,

Повергается перед Товитом на колени.

О, мой мудрый супруг,
Я тоже хочу склонить
Пред тобой свои колени!
О, как несправедливы
Были мои упрёки!
Прости мне мою
Слепую ярость!

Товия (*хватает Товита за руку*).

Ах, отец...

Анна (*как прежде*).

Товит...

Сарра (*как прежде*).

Возлюбленный свёкр.

Товит.

Невестка... сын... супруга...
Моя жестокая судьба
Не позволяет мне узреть
Эту радостную
И нежную картину!
Встаньте же и придите

Все на моё сердце!

Все встают и заключают Товита в объятия.

Товия.

Утешься, отец!
Я полон надежды,
Что смогу вернуть тебе
Драгоценный свет очей.

Товит.

Мой сын, мой
Возлюбленный сын,
Неужели это возможно?

Товия хочет увести Товита.

Товия.

Идём же, позволь
Мне совершить это!

Анна.

Сын мой,
Ты устал с дороги.

Тебе и твоей супруге
Необходим отдых,
И вам надлежит
Вкусить трапезу.

Товия.

Нет, сначала я хочу
Исполнить свой
Сладостный долг.
В этот трудный час
Попросим своими молитвами
И своими обетованиями
Помощи у неба!

Товит.

Вот мудрое решение,
Достойное моего сына!

Хор евреев.

О, Ты, восседающий
Среди крылатых херувимов
На небесном троне
И управляющий судьбами!
Услышь нашу молитву!

Товия.

О, Творец всего света!
Если Твоей благой воле угодно,
Чтобы я **это** совершил,
То верни Товиту свет его очей!

Хор евреев.

О, Творец всего света!
Верни Товиту свет его очей!

Анна.

Нет, это вовсе не дерзко —
Вымалывать у Тебя чуда,
Ибо как бы мы могли
Познать Тебя без Твоих чудес?

Хор евреев.

О, Творец всего света!
Верни Товиту свет его очей!

Товит.

О, Ты, заставляющий светить
Солнце и сиять звёзды!
Положи конец
Моему несчастью
И моим страданиям!

Хор евреев.

О, Творец всего света!
Верни Товиту свет его очей!

Сарра.

Кто если не Ты мог бы
Совершить это невероятное
И нечеловеческое дело?

Хор евреев.

О, Творец всего света!
Верни Товиту свет его очей!

Рафаил.

Ты вверг обуянного гордыней Сатану во мрак,
Где он, содрогаясь, горит в огне.
Любящий Тебя и испытывающий
Пред Тобой страх человек
Не должен жить среди
Вселяющего ужас мрака!

Хор евреев.

Возри на горячие слёзы,
Которые проливает Твой народ!
О, Творец всего света!
Верни Товиту свет его очей!

Уходят.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Картина первая

Анна, Сарра и Рафаил.

Анна.

О, сколь чудесна
Сила святой веры!
Все сердца и все души
Преисполнены
Нерушимой надежды,
И охваченные радостными
Чувствами правоверные евреи
Ожидают перед нашим
Домом того, как Товит
Обретёт зрение и станет
Ходить без чужой помощи.

Сарра.

Среди них находятся
Неверующие
И безбожные ниневитяне,
Которые с издёвками
Над ними насмеваются.

Рафаил.

Чудо, которое произойдёт,
Должно привести в смятение
Неверующих; и Господь
Во славе и в радости
Положит конец страданиям,
Которые испытывает Его народ.

Анна.

Где же мой сын?

Рафаил.

Он разгружает своих верблюдов.
Он делает всё для того,
Чтобы совершить грядущее исцеление.

Анна.

Скажи мне, наделил тебя
Таким благоразумием?
Кто дал тебе наставление?

Рафаил.

Не спрашивай об этом.
С тебя довольно знать о том,
Что Товит узрит тебя
Своими очами,
Что в этом заключается
Божья воля, что я —
По Божьему внушению —
Указал средство исцеления
И что Бог избрал меня
Для того, чтобы вы
Причастились Его благодати.
Бог всегда выполняет
Свои обещания.

Ария Рафаила.

Внемлите мне, словно
Небесному посланнику!
Верьте тому,
Что я вам открою!
И пусть мои слова
Заставят вас трепетать!
Однажды свет Кинфии
Станет тусклым и кровавым,
Феб сокроет свои
Лучи в тёмных тенях,
Сияющие звёзды падут
С неба на землю,
Созвездия и небесные
Тела исчезнут,
Земля разверзнется
Перед людьми,
Морские потоки утекут,
Но правдивые речения
Истинного Бога
Никогда не прейдут.

Картина вторая

Анна и Сарра.

Анна.

Лик Азарии сияет
Такой радостью,
А его речи так похожи
На небесные звуки,
Что ему следует верить,
Даже если он говорит
Невероятные вещи.

Сарра.

Откуда родом этот
Праведный и мудрый муж,
Избранный Богом?

Анна.

Он говорит, что он
Из дома Анании,
Брата моего супруга.

Сарра.

Значит, мы принадлежим
К одному колену и приходимся
Друг другу родней.

Анна.

Направляясь в Мидию,
Товия избрал его в свои
Спутники и провожатые;
И он не сумел бы найти
Более преданного спутника.

Сарра.

Да, мать, это так.
Я не в силах решить,
Кто же в этой счастливой
Семье блистает
Большими добродетелями,
И я в равной степени

Восхищаюсь заслугами
Анании и Анны,
Товита и Товии!

Ария Сарры.

Мне кажется,
Что я не среди людей,
Принадлежащих
К колену Неффалимову,
А среди ангелов
В небесных жилищах!
Ах, если бы мне было
Позволено провести
Свою жизнь рядом с вами,
То я стала бы самой
Счастливой женщиной
Народа Израиля!

Картина третья

Анна и Товия

Анна.

Какие дружелюбные речи!
Более достойной супруги
Для своего сына
Я не могла бы и желать!

Товия.

Ах, возлюбленная мать,
Гляди: вот жёлчь того
Чешуйчатого чудовища,
Которое я одолел в Тигре.
Эту жёлчь я должен накапать
В очи отцу. Где он?

Анна.

Он раздаёт нищим деньги и хлеб.

Товия.

До встречи! (*Хочет уйти.*)

Анна.

Куда ты?

Товия.

К Товиту. Я не могу
Обрести покой до тех пор,
Пока – на позор неверующим
И во славу нашего
Бессмертного
И милосердного Бога —
Не совершу то дело,
Которое от меня ожидают
Находящиеся вокруг люди
И которое станет Его триумфом.
Ах, промедление может
Привести к роковым последствиям!

Ария Товии.

Счастливым мореход,
Издали увидев
Долго и с нетерпением
Ожидаемую гавань,
Может радоваться,
Но он должен понимать,
Что он её ещё не достиг!
И если он опустит руки
И более не будет
Прикладывать усилий,
То ветер унесёт судно
В ином направлении
И, ввергнув его
В новую опасность,
Отберёт у морехода ту
Сладостную награду,
Которую он заслужил,
Победив минувшие опасности!

Анна.

Праведное усердие
Гонит его вперёд.
Я хочу быть рядом,
Когда он будет совершать
Своё тонкое и деликатное дело.
Кто знает, быть может,
Понадобится помощь супруги...
Меня одолевают мрачные мысли!

Ах, прочь! Оставьте меня,
Мрачные мысли, идите прочь!
О Боже!
В сколь глубокую
И ужасную бездну
Смятения, боли и стыда
Рухнут все любящие Тебя,
Если его попытка
Не увенчается успехом!
Ах, как радостно, как радостно
И высокомерно станет ликовать
Не верующий в Тебя народ!
О, справедливый Бог
Израиля, не ввергай нас
В такое ничтожество!
Во славу Твою принеси
Победу нашей надежде,
Которой Ты нас одарил!
Я слышу, да, я слышу Тебя:
Ты глаголешь в моём сердце,
Милостивый Бог,
И Ты ласково говоришь:
«Нет, Моим врагам не ликовать!»

Ария Анны.

Словно во сне,
Ко мне явился сонм
Духов, призраков,
Чудовищ и теней, —
И при виде этого
Ужасающего зрелища
Моё сердце содрогнулось.

Но внезапно этот
Зловещий сонм исчез,
И мой страх рассеялся.
Более я ничего не страшусь.
Мне ничего не грезится,
И я ясно вижу дневной свет.

Удаляется.

Хор.

Словно бушевавший ветер,
Который ныне утих,
Словно успокоившаяся
Морская буря,

Надежды врагов
Рассеиваются в один миг, —
Надежда же праведных
Остаётся незыблемой,
Ибо она зиждется
На самом Боге.

Товит бежит от Товии, который следует за ним.

Товия.

Куда ты так спешишь, отец?
Он страшится тех затруднений,
Которые могут привести
К смертельному исходу.

Товит.

Остановись, Товия!
Не следуй за мной!
Твои старания напрасны:
Я более не в силах выносить
Жгучей и острой боли,
Пронзающей меня
От моих очей вплоть
До самого сердца!

Товия.

Ах, отец, позволь мне
Закапать ещё одну каплю!

Товит.

Я чувствую сильную боль.
Мой сын, позволь мне
Остаться слепым!
Если ты станешь лечить
Меня и дальше,
То убьёшь меня,
Ибо я умру от боли!

Товия (*в сторону*).

Несчастный!
Что же мне делать?

Картина четвертая

Те же и Рафаил.

Рафаил.

Что ты делаешь, Товия?
Смотри, исполни это дело!
Я поддержу твоего отца.
Прочь страх и сострадание!
Сейчас требуются лишь
Сила и решительность!

Рафаил держит Товита за голову.

Товия.

Лишь мужество!

Товия закапывает в глаза Товита жёлчь.

(Обращаясь к Рафаилу.)
И ты внушил мне его!

Товит.

О Боже! Какая боль! О Боже!
Какое невыносимое мучение!

Рафаил.

Пелена спала с глаз.

Товия.

Ты свободен, отец.
Твои страдания подошли к концу.

Товит.

Что это?

Рафаил.

Открой свои очи!

Товия *(в сторону)*.

Я у цели своего пути.

Товит.

О небо! Я плаю, словно огонь!
О, вечный Бог, я умираю!

Товит открывает глаза, закрывает их снова и падает.

Рафаил.

Товит! (*Поддерживает Товита.*)

Товия.

О Боже! Что произошло?

Товит.

Лишь только я открыл свои очи,
В них ударило солнце,
И оно ввергло их
В ещё большую тьму!

Рафаил.

Тебя ослепил первый луч света.

Товия.

Ещё раз открой свои очи!

Товит.

О горе! Меня пронзают
Раскалённые иглы! О Боже!

Товит открывает свои очи и снова их закрывает.

Я не в силах выносить
Дневного света.

Рафаил.

Попробуй!

Товия.

Попробуй ещё раз!

Товит.

Оставьте вашу надежду!
Я скорее соглашусь
Тысячу раз принять смерть,
Чем один-единственный миг
Переносить дневной свет!

Рафаил.

Постепенно ты должен
Привыкнуть к своему
Прежнему состоянию.

Товия.

Открой свои очи, отец!

Рафаил.

Открой свои очи!

Ария Товита.

Напрасно ты этого
Требуешь, мой друг,
И напрасно ты на это
Надеешься, мой сын!
Я скорее приму смерть,
Чем снова открою очи!
Я ненавижу дневной свет.
Я люблю свой мрак,
И жить с открытыми
Очами я не в силах.

Товит уходит. Рафаил следует за ним.

Картина пятая

Товия и Анна.

Товия.

Словно молния, грянувшая
С ясного неба!..
О Боже, моё бедное
Сердце не было готово

К такому удару!

Анна (*в сторону*).

Отчего плачет Товия?

Товия.

Мать, твой сын в отчаянии.
Мне ненавистна моя жизнь.

Анна.

Твоя попытка
Не увенчалась успехом?

Товия.

Я совершил это дело,
И я видел, как тёмная
Пелена спала с глаз отца,
Но, ослеплённый первыми
Лучами солнца, он снова
Сомкнул свои очи.
Безуспешно он пытался
Привыкнуть к дневному свету,
И – непобедимый – он был
Побеждён своей болью.
Ныне он предпочитает
Пребывать во мраке,
И он отказывается
От любой помощи.
Он отвергает свет,
И, так как он не в силах
Его вынести, он презирает
Его и ненавидит;
И он скорее предпочёл бы
Принять смерть,
Нежели снова попробовать
Узреть свет.

Анна.

Какое мрачное известие!

Товия.

Мне тоже остаётся
Лишь одно – содрогаться.

Анна.

О горе! Дерзкий народ
Ниневии скажет,
Что мы, соблазнённые
Суетной надеждой
И самонадеянной верой,
Ввергли Товита
В ещё большую слепоту!

Товия.

Злосчастное дело!

Анна.

Какое ужасное страданье!

Товия.

Я содрогаюсь от ужаса!

Анна.

Я умираю!

Товия.

О Боже! Я надеялся
Обрести чрезмерное счастье,
Но все мои надежды разбились,
И моя вера поругана.

Анна.

О Боже! Неверующие,
Видя наши стенания,
Возрадуются, и многих людей,
Уповающих на Тебя, о Боже,
Охватят тяжкие сомненья!

Товия.

О, ужас!

Анна.

Какое горе!

Товия.

Какое страданье!

Анна и Товия.

Их невозможно перенести!

Товия.

Плачь, мать!

Анна.

Лей слёзы, мой сын!

Товия.

Ты права.

Анна.

У нас есть повод лить слёзы.

Товия.

И я готов их лить.
Мои слёзы умилют
Разгневанного Господа.
Излейся, моя душа, слезами!
Ах, это было бы
Великим счастьем —
Умереть от горя
В тот миг, в который я мнил
Обрести великую радость.

Анна (одновременно с Товией).

Я готова лить слёзы.
Мои слёзы умилют
Разгневанного Господа.
Излейся, моя душа, слезами!
Ах, это было бы
Великим счастьем —
Умереть от горя
В тот миг, в который я мнила
Обрести великую радость.

Картина шестая

Те же и Сарра.

Сарра.

Здесь говорят о смерти,
А весь народ Израиля ликует!

Анна.

Отчего?

Товия.

Что значат твои слова?

Сарра.

После того как Товит
Испытал пронзительную боль,
Причинённую ему
Солнечным светом,
Я по совету Азарии
Закрыла лицо опечаленного
Товита чёрным платком,
И по моей просьбе
Он открыл свои очи.
Он смог перенести
Тусклый свет, видимый им
Сквозь плотную ткань.
Я прикладывала
К его лицу всё более
И более тонкие платки,
И каждый раз Товит
Переносил всё более
И более яркий свет.
Ныне же он точно так же,
Как и мы, может
Возрадоваться
Солнечному свету
Он бегаёт по округе,
Свидетельствуя перед
Ассирийцами и евреями
О том, сколь велика
Благодать всевышнего Господа.

Анна.

О чудо!

Товия.

О радость!

Сарра.

А вот и он.

Вбегает Товит. Он движется самостоятельно, без чужой помощи. Его очи открыты. За Товитом следует хор евреев.

Товит.

Да будет прославлен
Божественный благодетель!
Супруга, наконец-то
Я увидел тебя снова!

Анна.

О, какое счастье!

Товит.

Анна, за эти восемь лет
Твоя краса нисколько
Не умалилась!

Анна (*указывает на Товию*).

Гляди, как он вырос!

Товит.

Сын мой, тебе и твоей супруге
Я обязан драгоценным
Светом своих очей,
Но я должен признать,
Что в этом деле лучше
Всех проявил себя Азария, —
И я хотел бы его вознаградить.
Скажи, чем я могу его одарить?

Товия.

О, отец, отдай ему всё,

Чем ты владеешь!
Тебе никогда, никогда
Не удастся вознаградить его
В полной мере!
Я дважды обязан этому
Мужу своей жизнью.

Сарра.

А я обязана ему честью
Быть супругой.

Анна.

Ах, мы все обязаны ему одному!

Товия.

Он приближается сюда.

Товит (*обращаясь к евреям*).

Принесите половину того золота,
Которое доставил Товия,
И самую прекрасную утварь.

Евреи уходят, затем возвращаются снова, неся драгоценную утварь и золотой ларец.

Картина седьмая

Те же и Рафаил.

Рафаил.

Я пришёл, чтобы
Проститься с вами
И попросить вас
Отпустить меня.

Товит.

Твои труды заслуживают большего.
Мы все обязаны тебя отблагодарить.
Вознаграждение, которое
Я тебе обещал, готово.
Я дарю тебе это золото.
Если же тебе угодно

Что-либо иное,
И если в моей власти
Выполнить твою просьбу,
То скажи, и твоя воля
Будет исполнена.
Каждый из нас
С благодарностью
Предложит тебе то,
Что ты пожелаешь.

Рафаил.

Я ничего не возьму.

Товит.

Почему?

Рафаил.

Я – не смертный.

Анна.

Так кто же ты?

Рафаил.

Я Рафаил, один из семи ангелов,
Избранных для того,
Чтобы обращаться ко Богу
Со священнейшими просьбами.

Сарра, Анна, Товия и Товит.

Ах, прости! сжался, небесный воин!

Они встают на колени и закрывают свои лица.

Рафаил.

Не бойтесь!
Выслушайте меня!
Я сразу же, в тот же час,
Донёс к престолу Царя царей
Вашу благочестивую просьбу,
И бесконечно Благостный
Послал меня вниз,
Дабы я оберегал Товию,

Вверил ему Сарру
И вернул свет очей Товиту.
Прощайте!
Продолжайте верой и правдой
Служить вечному Богу!
Вы – Его возлюбленные дети.
Терпеливо снесите
Суровое рабство
И скорее возвращайтесь
К благочестивому Рагуилу,
Дабы жить рядом с ним.
Не за горами тот час,
В который будет разрушена
Горделивая Ниневия;
И ваши достойные потомки
Узрят заново возведённый Иерусалим,
Сияющий золотом
И драгоценными камнями.

С неба спускается облако, оно окутывает Рафаила, и Рафаил вместе с облаком устремляется в небесную высь.

Хор евреев.

Я не осмеливаюсь
Поднять свой взор
И созерцать лик ангела.

Они мало-помалу поднимаются с колен.

Товит.

О, чудо!

Анна.

О, величие!

Сарра и Товит.

Вместе с облаком
Он исчез в небе.

Хор евреев.

Восславим нашего Господа,
Нашего Пастуха!
К нам, Своему
Избранному стаду,
Он был не богом мести,

А Богом милосердия!

Смирено последовав,
Словно истинные агнцы,
За святой любовью,
Мы обретём величайшую славу
И величайшее блаженство!

Вольфганг Амадей Моцарт

Музыка к пантомиме

Сочинено в Вене в 1783 году

Панталон и Коломбина грызутся между собой. Входит Доктор. Панталон церемонится и представляет его Коломбине, предлагая в мужья. Коломбина опечалена. Панталон ласкается к ней. Она сердита. Панталон ласков. Она зла. Наконец и он становится зол. Он говорит Доктору о том, что он должен уйти вместе с ним. Намереваясь удалиться, они рассыпаются в комплиментах.

Взор Доктора преисполнен нежности.

Вбегает Пьеро. Панталон, Пьеро и Доктор лежат на земле. Панталон грызётся с Пьеро и спрашивает его: чего ему надо? Пьеро сообщает о столике. Панталон велит ему принести столик. Пьеро говорит, что ему одному это не под силу. Панталон уходит вместе с ним. Коломбина стоит в неподвижности. Доктор медленно опускается на колени и стонет. Коломбина валит его на землю и хочет удалиться. Панталон и Пьеро притаскивают столик. Скорби Коломбины нет предела. Пьеро говорит, что она должна сесть за стол. Помедлив, Коломбина идёт к столу. Пьеро также усаживается на стул, намереваясь погрузиться в сон.

Из сундука выглядывает Арлекин.

Пьеро расхаживает взад и вперёд. Он замечает турка.

При виде мёртвого Арлекина Пьеро охватывает страх. Он обретает мужество...

[На этом рукопись обрывается.]

Рихард Вагнер

Лойбальд

трагедия в пяти действиях ¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: ²

Лойбальд

Вердольф, друг Загмера, покойного отца Лойбальда

Родерих

Бертинг, граф-разбойник

Астольф, жених дочери Родериха

Альберт

Лотарь, кастелян замка Лойбальда и его воспитатель

Брайшальд, приятель Бертинга

Вульф, холоп Лойбальда

Отшельник

Призрак Зигмера, отца Лойбальда

Фламминг, бродяга

Берингер

Шрамбольд

Шенк, хозяин постоялого двора

¹ Действие трагедии происходит в Средние века. Топография разворачивающихся событий во многом условна. Перед нами – хмурое, овеянное туманами и затерянное во времени Средневековье, сохраняющее в себе, впрочем, отчётливый немецкий колорит.

² Сопоставляя трагедию «Лойбальд» Вагнера с трагедией «Гамлет» (или, если угодно, с пьесой под названием «Трагическая история о Гамлете, принце датском», *The Tragical Historie of Hamlet, Prince of Denmarke*) Шекспира, мы должны указать на явные параллели, несомненно, существующие между выводимыми на сцену героями: Лойбальд – это Гамлет Вагнера, Аделаида – Офелия, Родерих – Клавдий и при этом, что важно, Полоний, Призрак же Зигмера – Призрак отца Гамлета...

Агнес, супруга Родериха
Аделаида, дочь Родериха
Зигфрид и Альбрехт, сыновья Родериха 10–12 лет
Ведьма
Её духи
Гундхен
Стражник
Караульный башенный сторож
Юноша
Холопы и гонцы

Первое действие

[Первая сцена]³

Постоялый двор.⁴
Берингер, Шрамбольд и хозяин постоялого двора Шенк сидят за столом.
Один молодой человек прислуживает.⁵

Берингер.
Эй! Да чтоб тебя!.. Ты скудно наливаешь, Шенк! Ты отмериваешь мне вина меньше, чем Господь Бог отмерил тебе плутовства!⁶

Шенк.
Плутовства?

Берингер.
Клянусь своей душой, до тех пор, пока Фламминг снова не заплатит тебе по лицу, щедрее ты отмеривать не будешь! Сорвиголова!..

Шрамбольд.
Клянусь своей честью, он, недолго думая, разобьёт одному парню лицо! Отведав твоей еды, Шенк, этот парень вспомнит свои фокусы!⁷

Шенк.

³ Сопоставляя «лишённую музыки» трагедию «Лойбальд» с созданными Вагнером позднее музыкальными драмами, можно предположить, что «партию» Лойбальда должен был бы исполнять ein Heldentenor («героический тенор»).

⁴ *Постоялый двор*. Участники первой сцены изъясняются прозой. В их разговоре царит бандитский, воровской жаргон. Вообще говоря, в трагедии «Лойбальд» проза чередуется с белым стихом и стихотворными рифмами. К примеру, «гамлетовский монолог» Лойбальда (1 действие, 2 сцена) – образец белого стиха, тогда как Ведьма и её духи (как видно из последующего) изъясняются в рифму.

⁵ Бандитский, воровской жаргон Берингера, Шрамбольда, Шенка и Фламминга образует своеобразный «сниженный фон» высокопарной и истинно шиллеровской патетики, которой преисполнены речи Призрака и «гамлетовский монолог» главного героя, звучащие в следующей – второй – сцене первого действия трагедии.

⁶ «Ты скудно наливаешь, Шенк!» Сопоставление «Шенк – наливать» – игра слов: schenken – «наливать».

⁷ Сей, прямо скажем, разнuzданный «диалог» на постоялом дворе отчасти напоминает разговор разбойников из одноимённой драмы Шиллера (1 действие, 2 сцена) и ту беседу, которая звучит в самом начале трагедии «Эгмонт» Гёте. Манера речи Берингера напоминает манеру речи «философа» Алеманта из пьесы «Тимон Афинский» (или, если угодно, «Жизнь Тимона Афинского», *The Life of Timon of Athens*) Шекспира.

Эй, вы, плуты! Говорю же вам: поданная мною еда – еда что надо! И я состряпал её тогда, когда намеревались подпалить мой постоялый двор! Клянусь своей душой, дело было нешуточное!.. Я плут? Клянусь своей печенью, при мысли об этом мои волосы встают дыбом! Я плутую? Эй, парень! Знай: если бы я плутовал, на тебе не осталось бы ни одного лохмотья! Честный Шенк – плут!.. Избави меня Бог! Я не плут, ибо мне известно, кто плут! Лучше бы меня назвали бесчестным созданием! Клянусь своей душой, я не плут!

Берингер.

Так кто же плут?

Шенк.

Клянусь своей честью, плут – ты, ибо ты об этом спрашиваешь! Ты понимаешь, что за свой ответ я могу поплатиться разбитой головой. Нет, я не плут, но я знаю, кто плут.

Берингер.

Ты плут, ибо ты нас дурачишь! Я выцеживаю твоё вино, парень! Так кто же плут?

Шенк.

Что ж, если вы знаете о том, что я не плут, то я и не могу быть плутом.

Шрамбольд.

Эй! Чума на тебя! Отвечай, парень! Кто плут?

Шенк.

Отлично. Так как я не плут, то плутом должен быть кто-то другой. Я полагаю, что плут – иной человек, не я.

Берингер.

Я подожду твой постоялый двор! Отвечай, кого ты имеешь в виду? Кто плут?

Шенк.

Эй! Тот, кто поджигает мой постоялый дом, тот и есть плут.

Берингер.

Эй, ты, чёрт из погреба! Неужели я плут?

Шенк.

Клянусь своей душой, ты не плут, ибо ты не поджигал моего постоялого двора. Его поджёт Фламминг.

Шрамбольд.

И ты считаешь, что Фламминг плут?

Шенк.

Клянусь своей честью, так и есть!

Берингер.

Я тоже так думаю. Фламминг плут: кто ищет выгоды с помощью уловок, тот – самый настоящий плут.

Шрамбольд.

В самом деле, сейчас он отправился к Бертингу, ибо ему известны тайные пути, ведущие к нему. Вместе с ним он врывается в деревни, убивает и грабит.

Шенк.

Клянусь своей честью, тот, кто совершает коварные убийства, то и есть плут! Не правда ли, старый Бандольф был бы ещё жив, если бы Фламминг не задал ему во время ссоры с Зигмером?..

Берингер.

Эй! Вот именно! Ссора запятнала его честь ещё и по другой причине. Клянусь своей душой, меня берёт злоба при мысли о том, что этот парень позволил наступить себе на брюхо юнцу, который едва достаёт своей ногой ему до пуза! Клянусь своей честью, меня злит, что ему нанесено телесное оскорбление!

Шенк.

Расскажи-ка мне об этом, приятель! Клянусь своей честью, наступить на брюхо!.. Поведай об этом, приятель! Неужели и вправду ему наступили на пузо?

Берингер.

Эй! Парень явился к Зигмеру и вызвался за вознаграждение уходить Бандольфа насмерть. Зигмер плюнул ему в лицо и отослал его к своему юному Лойбальду, который должен был доставить его к Бандольфу. Когда этот дворянчик его увидел, он наступил на него ногой, насмеялся над ним и отправил его к Бандольфу.

Шенк.

Ай да подлец! Клянусь своей душой, этот парень плут, самый настоящий бесчестный плут!

Входит Фламминг.

Берингер.

Эй! Пока мы разговаривали, плут явился! Хай! Фламминг, парень, откуда ты держишь путь?

Фламминг.

Эй! Да чтоб тебя!.. Вина, Шенк, вина! И советую тебе: вина самого лучшего! Я в жару! *(Бросает на стол кошелек, наполненный золотом.)* Как насчёт улова, негодяи? Ну и денёк!.. Клянусь своей честью, сам чёрт схватил меня сегодня за глотку; и быть мне подлецом, если это не так! Вина, юнец, запиши в двойной долг!

Шрамбольд.

Эй, расскажи, приятель, расскажи об этом! Клянусь своей честью, хотелось бы мне узнать об этом!

Фламминг.

Если я не выпью вина, мой язык будет не в силах поведать об этом! (*Пьёт.*) Узнать об этом? Речь шла о моей жизни! Говорю же вам: Бертинг – парень что надо! Его здоровье! (*Пьёт.*) Наливай, юнец: здоровье – дело серьёзное. Бертинг – парень достойный уважения!

Шенк.

Что ж, приятель, пей и рассказывай!

Фламминг.

Рассказать?.. Я ещё не нахлестался! И подлец тот, кто не скажет, что Бертинг дельный парень! Я избородил белый свет вдоль и поперёк, и мне не доводилось встречать столь честного парня! Да, было весело, клянусь честью!..

Берингер.

Расскажи! расскажи!

Фламминг.

Бертинг не честный парень? Если ты ещё раз скажешь такое, твоё лицо станет синим!

Берингер.

Знаю. Рассказывай, рассказывай, парень!

Фламминг.

Клянусь душой, Бертинг – честный парень! (*Пьёт.*) Бертинг пронюхал о том, что один странствующий рыцарь едет по лесу с деньгами и обретенной им возлюбленной. Знать не знаю, где он нагребил эти деньги... Эй, клянусь честью, это – жратва для честных плутов! Говорю же, Бертинг – парень что надо! Он оставил эту жратву для меня! Ура! Это было чистым наслаждением! Я подстерёг эту пару в лесу.⁸⁹ Клянусь моей честью, они ехали рысью на покрытой плесенью кляче. Наливай, юнец! Малютка обнимала рукой своего возлюбленного и спала, он же от усталости едва держался в седле. Я остановил его клячу и бросился на него. Да чтоб тебя!.. Этот парень спрыгнул с лошади, и я во мгновение ока очутился на земле. Эй, парень принялся меня душить и намеревался уходить насмерть. Я тут же попытался собраться с силами, но, клянусь честью, мне этого никак не удавалось: я боролся с самим чёртом! Этот плут был силен и хитёр. К чёрту! Вина! Я перевернулся, освободил правую руку и ударил парня в подбородок. Эй, говорю же, мы переместились, я всыпал ему, и этот парень сдох. Да чтоб тебя!..

Берингер.

Скажи, парень, а что же стало с девушкой?

Фламминг.

⁸ «...это – жратва для честных плутов!» Контаминация, оксюморон «честный плут» – превосходная характеристика нравов низконародья, с которым мы сталкиваемся в первой сцене первого действия трагедии. «Низконородье», к слову, – излюбленный термин философа Г. Я. Стрельцовой, различающей между собой *низконародье*, *простонародье*, *средненародье* и *высокнародье*.

⁹ «Я подстерёг эту пару в лесу». Монолог Фламминга, играющего важную роль в разворачивающейся трагедии, сполна выражает его внутреннюю суть. Эта «оставшаяся за кулисами» история «охоты» Фламминга и его нападения на странствующего рыцаря и его возлюбленную свидетельствует о том, что Фламминг – достойный наследник Яго. И не будет преувеличением сказать о том, что убийца, насильник, вертопрах, циник и «перекати-поле» Фламминг – «мелкий бес» трагедии «Лой-бальд». Фламминг встречается в разные истории и сеет зло, и, по меркам всего действия, он – олицетворение *порока*, живущего мелкими обидами и вздорными, суетными и при этом омытыми кровью «приключениями». Трагическая история, излагаемая Фламмингом, – вполне в духе Грильпарцера и Клейста.

Сорвиголова! С девушкой?.. Хай! Так ли уж барышни недоступны?.. Они недоступны до тех пор, пока поблизости нет третьей пары глаз. Эй, говорю же, мы поняли друг друга, как только этот болван плотно зажмурил свои глаза... Да, это было незабываемо!.. Лесная трава была так мягка... И если после этой забавы не вырастает круглый живот, то я в этом ничего не смыслю. Я отдал эту девку на ложе Бертинга и получил за это кошелёк и клячу. Думаю, работа была сделана чисто!

Берингер.

Клянусь своей честью, парень, это – грязная работа.

Фламминг.

Говорю же, моя работа – работа чистая! Пёс!

Шрамбольд.

Ну, если грязное есть чистое, то это – чистая работа.

Фламминг.

Вам что, свернуть шеи? Вы этого хотите, негодяи?

Берингер.

Эй, обманом лишить бравого рыцаря жизни и девушки – это грязно.

Фламминг.

Я тебе ноги переломаю, тварь!

Шрамбольд.

Клянусь своей честью, было бы лучше, если бы этот рыцарь тебя прикончил.

Фламминг.

Юнец, наливай!

Берингер.

Эй, лопни сам и сделай так, чтоб лопнул твой позор!

Фламминг.

Я тебе голову разобью, парень! Позор!..

Шрамбольд (*в сторону Берингеру*).

Эй, братец, напустись-ка на него и напомни ему о его позоре!

Берингер.

Да чтоб тебя!.. Подстеречь честнейшего рыцаря и обесчестить его верную возлюбленную!

Фламминг.

Обесчестить!.. Клянусь своей душой, **я поступил с ней честно!** Девушку бесчестит подлец, а не честный парень.

Берингер.

Ты и честный парень! Незаконнорожденный и честное дитя!

Шрамбольд (*как прежде*).

Отлично, приятель! Продолжай в том же духе!

Берингер.

Ты и честь!.. Клянусь своей честью, один юнец нанёс тебе телесное оскорбление, замарав твою честь...

Фламминг.

Чего ты несёшь, парень?

Берингер.

Хай! Как он оторопел, когда задела его честь! Хе, парень, – брюхо, на которое наступили, и честь!..

Фламминг.

Брюхо, на которое наступили? Тебе что, жить надоело?

Шрамбольд.

Хе-хе!

Берингер.

Не правда ли, у Лойбальда крепкая нога?

Фламминг (*хватает его*).

Ты что, тварь, захотел отведать моих кулаков?

Шенк.

Терпение, приятель! терпение!

Берингер.

Сядь, и... и... я тебе расскажу!

Фламминг.

Чума и дым на твой рассказ! Яд тебе! Веди меня, парень, к Лойбальду! Юнец, выводите мою клячу!

Шенк.

Постой! Постой! Ты и сам не знаешь, чего хочешь!

Фламминг.

Я не знаю? Иди к чёрту, парень! Я хочу проломить этому юнцу голову!

Берингер.

Эй, парень, тебя обуяла жажда убийства! Держите его! Этот мошенник рехнулся!

Фламминг.

Вы что, хотите, чтобы это бесчестье пятнало меня и дальше? Я дворянин, негодяи...

Шрамбольд.

Дворянин и бесчестье! Отлично!

Фламминг.

Моя честь и телесное оскорбление! Ад и чума на этого парня! Юнец, где моя кляча? Укажи мне верный путь! Я прикончу этого юного негодяя! Эй, как бы мне хотелось хоть ненадолго забыть об **этом**, изгнав **это** из памяти ударами кнута! Но... отчего же?.. Спасибо, парень, что напоминаешь мне об **этом**! Где моя кляча? (*Обращаясь к молодому человеку.*) Чего ты здесь стоишь, ротозей? Взнуздай мою клячу, иначе я возьму вместо узды тебя! Клянусь честью, лицо Лойбальда посинеет! Подать сюда вина! И будь я плут, если до того как растоптать этого юнца, сделаю хотя бы один глоток! (*Пьёт.*) Чего ты хочешь, проказник? Я плут? Клянусь честью, невежа, я – не плут! (*Пьёт.*) Я – и брюхо, на которое наступили!.. Чтоб этому парню жаба пролезла в желудок! Наступить на брюхо!.. Если я стану помышлять не о мести, а о чём-то ином, то пусть каждый мой помысел изжарит меня в аду!

Говорю же: один добрый, один точный, один ловкий удар! Чума на тебя! Наступить на брюхо!..

Берингер.

Эй, этот парень упивается своим позором. Идём, приятель, день уже давно надел свой чёрный чепец! Думаю, нам пора!

Шрамбольд.

Этот плут корчит такие рожи, словно он застрял между землёй и адом. Клянусь своей честью, этого парня здорово отдубасили! Пойдём, приятель! Шенк, счёт завтра!

Уходит вместе с Берингером.

Шенк.

Эй, сколько я тебя помню, уходя, ты всегда говоришь одно и то же!

Фламминг.

Что, плуты ушли? Я отдал бы им всю свою добычу, если бы они не стали напоминать мне об **этом**. Или нет? Клянусь своей честью, я хотел бы отдать им свою добычу за то, что они напомнили мне об **этом**! Чума и дьявол! Я – и брюхо, на которое наступили!.. (*Пьёт.*)

Шенк.

Клянусь своей душой, я человек заурядный; но я бы охотно посыпал солью на его рану.

Фламминг.

Иди сюда, свирепое чудовище! Иди сюда, дьявол мести!

Шенк.

Что ты имеешь в виду, приятель?

Фламминг.

Послушай, парень, ты что, осёл?

Шенк.

Клянусь своей честью, если бы это было так, я бы не спрятал свои уши под головным убором!

Фламминг.

Эй, но ведь он на тебе! Значит, ты – не осёл. Так ты мошенник?

Шенк.

Душа моя, неужели в моих глазах лукавство?

Фламминг.

Сейчас ты выглядишь более честным. Нет, ты не мошенник. Ответь, есть ли в тебе нечто, усвоенное от других?

Шенк.

Думаю, я взял от всех понемногу: я могу быть глуп, как осёл, и хитёр, как мошенник.

Фламминг.

А мне нанесли телесное оскорбление: мне наступили на брюхо. Клянусь своей честью, этот парень – этот осёл с подрезанными ушами – наделён гораздо большим достоинством, чем я!¹⁰ Огонь и пламя на **того** парня! Чего нового, Шенк?

Шенк.

До моего слуха донеслось известие о том, что ты хочешь, чтобы тебе наступили на брюхо.

Фламминг.

Чума в твою пасть! Разве тебе что-то известно об этой ссоре?

Шенк.

Я знаю, что скоро ты начнёшь враждовать с Лойбальдом.

Фламминг.

К палачу твою шутку! Есть ли у тебя какие-нибудь сведения, парень?

Шенк.

Эй, мне стало известно, что в замке Зигмера что-то нечисто.

Фламминг.

Что я слышу! А где сейчас обитает тот, кто **наступил на брюхо**?

Шенк.

Он обитает там, где на твоё тело была поставлена **печать**.

Фламминг.

Так что же там происходит? Отвечай, парень!

Шенк.

Эй, проходя ночью мимо замка Зигмера, я повстречал там страшное привидение.

¹⁰ «Клянусь своей честью, я – не просто человек, ибо во мне одновременно живут осёл и мошенник». Такого рода рассуждения – вполне в духе шутов Шекспира.

Фламминг.

Говорю же, парень, это предвещает грядущую распрю, в которой Лойбальду не собрать костей! Выводи мою клячу из конюшни, юнец! Я отправляюсь к ведьме. Подавай мою клячу!

Молодой человек уходит.

Я хочу разобраться в этом деле. И если разгорится распря, то я знаю, куда мне следует обратиться... Молния! Мне наступили на брюхо!.. К ведьме! Ведь речь идёт о Лойбальде!

Шенк.

Ты хочешь отправиться к ведьме, приятель? Клянусь моей душой, это – дело рискованное и опасное!

Фламминг.

Около замка Зигмера появляется привидение? Иного и не следовало ожидать! Я намерен тщательно разузнать об этом. Говорю же, я отправляюсь к ведьме!

Уходит.

Шенк.

«Скатертью дорога!» – отвечает мой мошенник. Клянусь своей честью, я – не просто человек, ибо во мне одновременно живут осёл и мошенник. Своего осла я всегда буду гнать перед собой, чтобы люди не догадались о моём мошеннике, и пусть моей сокровенной сутью станет человек, ибо он – наилучшее, хе-хе!

Уходит.

[Вторая сцена] ¹¹

Парк перед укреплённым замком Зигмера.¹²

Ночь.

В глубине сцены – тускло освещённый проход, ведущий в замок. В проходе виднеются мерцающие слабым светом склепы. Из прохода, ведущего в замок, выходит Призрак.¹³

Призрак.

Мучительная, горькая
Тоска по сыну
Заставила меня явиться
В это мир из-под земли.
Я слышу вой, стенанье,

¹¹ Во второй сцене первого действия трагедии мы видим глубоко своеобразные «вариации Вагнера на тему Шекспира». «Выход» Призрака и «выход» главного героя являются смысловой экспозицией «шекспировской» завязки действия, которое в дальнейшем найдёт совершенно иное, нежели у Шекспира, развитие. Пред нами Шекспир Вагнера и Вагнер Шекспира.

¹² *Зигмер* – отец Лойбальда, отравленный Родерихом, отцом Аделаиды. Аделаиду же и Лойбальда гибельным узлом свяжут любовные узы. Как видим, шекспировская завязка вагнеровской трагедии имеет свои нюансы: у Вагнера акценты расставлены несколько иначе, и, условно говоря, *Офелия* Вагнера является дочерью *Клавдия* Вагнера – Родериха.

¹³ «...выходит Призрак». Не будет преувеличением сказать, что этот Призрак – самый настоящий *предшественник* короля Марка («Тристан и Изольда») и верховного бога Вотана («Кольцо нибелунга»).... Если бы Вагнер написал музыку к своей трагедии «Лойбальд», то партию Призрака, конечно же, должен был бы исполнить бас.

Которое, взывая к мести,¹⁴
Гонит меня в здешние края
На поиски родного сына.
И я знаю: он способен
Прогнать тоску
И заглушить стенанье...
Но, блуждая, я сбился
С верного пути,
И я не в силах
Разыскать его!

Призрак удаляется.
Из прохода, ведущего в замок, выходит Лойбальд.

Лойбальд.

Как? Я – ничто? Ничто?..¹⁵
О, как давно вы воете об этом!
Прах моего отца,
Он превратил меня в ничто, —
К чему же этому ничто
Мерцать, как прежде,
Слабым, тусклым светом?¹⁶
Что ж, обрати во прах
Среди безмолвных
Сумрачных теней
Тот прах, который
Сам себя безжалостно
Рассеивает ныне!
Мне отвратителен наш
Сладострастный мир.
Мой дух иссяк.
К чему же праху
Трепетать как прежде?..
Я знаю: сладость миновала, всюду
Я чувствую одну лишь горечь,
И на свете нет жизни,
Что цвела бы для меня.
Но тускло брезжит
Смутная догадка:

¹⁴ Призрак побуждаем чувством мести. «Мечь» (die Rache) станет в дальнейшем движущей силой и смыслообразующим вектором мыслей, чувств и действий Лойбальда.

¹⁵ «Как? Я – ничто? Ничто?..» С этой реплики начинается так называемый «гамлетовский монолог» Лойбальда, с этими словами пред нами предстаёт **первый** Сверхчеловек Вагнера, **первый** в длинной галерее иных Сверхлюдей.

¹⁶ «Гамлетовский монолог» Лойбальда является самобытной вариацией на темы двух монологов Гамлета Шекспира: монолога из второй сцены первого действия («O, that this too too solid flesh would melt [...] How weary, stale, flat and unprofitable / Seem to me all the uses of this world!») и монолога Гамлета из первой сцены третьего действия («To be or not to be – that is the question»). Первый Сверхчеловек Вагнера предстаёт пред нами с такими словами на устах, которые сразу же, «с порога» задают определённый экзистенциальный и психологический тон, во многом созвучный не только духу Гамлета Шекспира, но и глубоко трагичному мироощущению Каина и Манфреда Байрона.

Я человек!
О да! Я человек! —
Я жалкое создание,
В самом себе я —
Как в темнице; я прикован
К единственному
Существу – к отцу.
Покинув этот мир,
Незримой крепкой цепью
Он тянет за собой меня.
О да! Я знаю,
Что такое человек!
Я знаю: мой отец
Был человеком.
И поэтому он умер.
Мне это хорошо известно...
Хо! Я знаю, я знаю,
Что такое человек:
Он – неудачное создание,
Которое исправит только смерть!
Скажи, великий Бог-творец,¹⁷
Зачем ты создал человека?
Он – ошибка,
Ошибка, заключённая
В темницу, в оковы
Дольнего, земного праха!
И, преследуя благие цели,
Он сам себя готов разрушить.
О, вселяющая ужас мудрость,
Ты права! И мой отец... ах!..
Покорился твоей силе,
Мне, сыну, преподав урок.
Так пусть же ангел твой,
О, сын, стремится к твоему отцу!
Не оскорбляй небесное
Создание лукавством чар
Внушающего омерзенье праха!

Лойбальд намеревается заколоться, тем временем к нему приближается
Призрак.

Кто приближается ко мне?
Заходит ум за разум! Ха!

¹⁷ «Скажи, великий Бог-творец, Зачем ты создал человека? / Он – ошибка, / Ошибка, заключённая / В темницу, в оковы / Дольнего, земного праха!» Эта эскапада Лойбальда свидетельствует о том, что он напрочь игнорирует учение, согласно которому человек создан по «образу» (imago) и «подобию» (similitudo) Бога, учение, в котором многие видели и видят залог высокого метафизического достоинства человеческого «Я». Риторические вопрошания и выводы Лойбальда созвучны и Фаусту Гёте. (Заметим, первая часть трагедии «Фауст» была опубликована Гёте в 1808 году, то есть задолго до того времени, в которое был написан «Лойбальд».)

Постойте, мои очи!
Не спешите вытекать
Из тех пещер,
В которых вы живёте!
Стойте!
Останьтесь на своих местах,
О, очи, и глядите
На это зрелище,
Внушающее страх!
О, небо, неужели ты разверзлось,
Неужто ты обрушилось
На землю для того,
Чтоб **он** ко мне явился?
Что же остаётся волосам моим —
Встать дыбом
Или трепетать от счастья?
А языку? – дрожать от страха?
Или ликовать?
Ликуй же, содрогаясь!..
О, ты мой отец?

Призрак.

Лойбальд!

Лойбальд.

О, повтори! о, повтори!
О, повторяй мне
Это до тех пор,
Пока от радости
Я не сгорю дотла!

Призрак.

Лойбальд! Лойбальд!
Я более не твой отец!

Лойбальд.

Постой, мой дорогой!
Так ты не мой отец?..
Но вид твой благороден.
Ты сумел сюда явиться!
Ты изнурён – и заключать
Тебя в объятия я не стану!
О, как ты бледен!
Где же твоя тень, отец?

Призрак.

Я – моя собственная тень.
И я заимствовал её
У самого себя,
Дабы облечь в неё
Свою же собственную душу¹⁸.
Какой же клятвой
Мне поклясться в том,
Что видишь пред собой
Ты призрак своего отца?
Перед тобой
Ничтожное подобье
Его величья и достоинства!
Ты удивляешься?
Оставь же при себе
Свой бледный ужас!
До конца дослушай
Всю речь мою!
Она того заслуживает, право!
Я более не твой отец.
Взгляни же на меня!
Я сходен своим видом
С тем младенцем,
Что лежал пять месяцев
В утробе великанши.
И младенец этот
Вскоре должен был бы
Человеком стать,
Но оказался
Ни на что не годным.
Ныне я утерял всё
Своё совершенство,
И оно, иссякнув
И покрывшись пылью,
Спит в могиле.
Я не в силах заглушить
Мучительную мысль о том,
Что стало этого виною!
О, внемли мне!
Я хочу тебе открыться...
Земная речь,
Звучащая в моих устах,
Не в силах выразить ту муку,

¹⁸ «Я – моя собственная тень. / И я заимствовал её / У самого себя, / Дабы облечь в неё / Свою же собственную душу». Такая затейливая самоидентификация не имеет аналогов в истории мировой философской антропологии. Как видно из слов Призрака, личность погубленного Зигмера распадается натрое: на /1/ «Я», /2/ тень и /3/ душу; и такая антропологема выглядит весьма экстравагантно не только, скажем, на фоне манихейской антропологии, но и на фоне древнекитайского учения о десяти душах (семи злых и трёх добрых), пребывающих в каждом из людей.

Что заставила меня
К тебе явиться.
Что ж, назвать ли мне её тоской —
Тоской, охваченной
Ужасным страхом?..
Нет, слова, не облакайте
Мои страдания
В роскошные наряды!
Никого я не любил
Так сильно, как тебя;
В минувшие года
Здесь, наверху,
Ты был предметом
Моих горячих
И усерднейших забот,
Но после... я тебя покинул...
Ныне я о тебе тоскую,
И моя чрезмерная любовь
Карается страданием!
Мучительная, горькая
Тоска, влекущая меня
К тебе из-под земли,
Сильнее всех скорбей;
И мне позволено
Увидеться с тобой
Лишь под покровом ночи
И вдали от солнечных лучей,
Которые в ночи не в силах
Своим огнём рассеять
Мою сумрачную тень.
Меня вело сюда
Желание увидеться с тобой,
Ты понял это, —
И, прекрасно зная твоё сердце,
Я ни на миг не сомневался в том,
Что ты пойдёшь ему навстречу.
Знай же: прежде чем уснёшь
Возле меня в могиле,
Исполнить должен ты
Моё второе страстное желанье:
Ты должен мечь свершить,
Ты совершишь кровавое отмщенье.
Мечь, мечь...
(Иль назови **это** тем словом,
Которое тебе придётся по душе.)
Ты должен – прочь сомненья! —
Отомстить за мою кровь,
Отравленную ядом!
Знай: ты должен отомстить злодею!

Ведь его, убийцу, и поныне
Не настигла злая кара!

Лойбальд.

О, призрак,
Что за вздор ты мелешь!
Как? Ты знаешь, что такое месть?
Отравленная кровь!..
Так говори же! Не молчи!
И не препятствуй мне!..

Призрак.

Так поклянись же мне
Стереть с лица земли
Того трусливого злодея,
Который силой, с помощью
Убийственного яда,
Опутал мою кровь
Постыднейшими узами!
Клянись мне в том,
Что Родерих погибнет
От твоей руки!¹⁹
Гони же прочь тот ужас,
Что написан на твоём лице,
Обрушь его
На подлую главу злодея!
К чему мне без толку болтать,
Распространяясь о причинах
Совершённого убийства?
Ведь духам должно
Вскармливать беду
Храня молчание,
И утешение от слёз
Им не дано!
Так поклянись мне,
Прежде чем петух
Прогонит меня своим
Криком вниз,
А утреннее дуновение
Грянет вместе с солнцем!
Так поклянись же мне!
Клянись мне Богом!

¹⁹ Не упустим из виду того важного факта, что Призрак настойчиво призывает Лойбальда отомстить Родериху, а не его роду: «Клянись мне в том, / Что Родерих погибнет / От твоей руки!» – восклицает Призрак; Лойбальд же неистово клянётся уничтожить **весь род** коварного злодея (стр. 59): «...весь род его погибнуть должен... Отродью Родериха – смерть!» (стр. 60). Этот важный «нюанс» не должен ускользнуть от нашего внимания. Здесь, на этом смысловом рубеже Вагнер существенно расходится с Шекспиром.

И не оставляй
Меня без утешенья!

Лойбальд.

О, дай же мне
Собраться с мыслями!
Клянусь, я это знал!..
Нет, у безумца, правда же,
Достаточно ума,
И, услышав такое, он...
О нет! Ты лжёшь!
О нет, я знаю, истина
Не может находиться
Так близко от пределов
Неизвестности!
Ты хочешь мне польстить!
О, небо, ангелы!
Убийца Родерих?
О нет.
Не знал бы он, тогда бы я...
Убийца Родерих? О, это имя...
Кто в силах выразить всё то,
Что ты в себе таишь!

Призрак.

Скорее дай мне клятву!
Знай, я призрак!

Лойбальд.

Ты призрак? Призрак?
Ты охваченный страданьем призрак?
Яд! О яд! Так знай же:
Я готов поклясться
Величайшей клятвой!²⁰
Ад! о, страшный ад!
Яви мне сонм
Своих ужасных
Клятвопреступлений,
Из-за которых предан
Ты проклятью, —
Я тебя избавлю
От злых и тёмных чар
Губительного колдовства!

²⁰ Сверхчеловек Лойбальд сковывает себя клятвой. Сверхчеловеческое само ставит себя в железные тиски *необходимости*. Весь дальнейший жизненный путь Лойбальда – следствие данной им клятвы.

О, как хочу я испытать
Всю скорбь,
Все муки моего отца,
Чтоб, ядом напивав свой ум,
Вооружить его и непрестанно
Помышлять о мести!
Ты, я вижу, хочешь
Удалиться **вниз**,
Ведь ты спешишь на пир
В подземные пределы.
Так внемли же моей клятве!

Клянусь всем тем,
Что свято для людей
И призраков!
Клянусь твоею тенью
И твоею кровью!
И пусть твоё суровое проклятье
Сотрёт меня с лица земли,
Когда я не смогу исполнить
Своей клятвы до конца!
Клянусь: я истреблю
Весь род злодея Родериха!
Смерть, да! смерть тому,
Кто носит это имя!
О, не только гнусный Родерих,
Но и весь род его
Погибнуть должен,
Ведь гибель Родериха
Станет ему **платой**,
А гибель его рода – **наказаньем**.
Да будет клятва
Свершена на деле! Ха!
Отродью Родериха – смерть!
Не отравлять ему своей
Чумой наш мир!
Когда весь этот ненавистный род
Сполна заплатит своей кровью
За то, что подлый Родерих,
Убив тебя, обрёл тебя
На жуткие страдания
В подземном мире, —
Тогда мы оба – ты и я —
Навеки обретём блаженство!

Призрак.

Поклявшись, сын,
Ты поступил как должно.

Так сдержи же свою клятву
И не нарушай её:
Все речи, что звучали тут,
Могли бы принести
Тебе и мне страданья...
Но уж близок день,
И утреннее дуновенье
Гонит меня вниз.
Я возвращаюсь
И, не зная горя,

Призрак исчезает.

Следую назад,
Иду навстречу жалким
И ничтожнейшим мученьям,
Ведь в твоём сердце
Я прочёл ту весть,
Которая в меня
Вселяет радость.

Лойбальд.

Небо!
Прочь сомнения,
Я видел пред собою
Своего отца!
Так почему же
Я прирос к земле,
Застыв на месте?!
Что сковало мои ноги,
Которые должны
Стать крыльями?!
Где ты, о, мой отец?
Что сделала с тобою смерть!..
Окликни же его, болван!
И криком в клочья разорви
Всю свою глотку!
Призови небесный свод
Обрушиться на землю, —
Знай, всё это
Не в силах будет вызволить
Отца на белый свет!
Со временем мой зов
Изменится, он перестанет
Походить на самого себя
И ввергнет меня в ужас,
А отец... отец же

Мой призыв и не услышит.
О, зачем явился я на белый свет?
Уж лучше б я остался навсегда
В утробе матери,
Не ведая об **этом!**..

Как вид его был благороден!
В могиле – крепкая,
Стальная сила.
Он был прозрачен
И напоминал туман.
И сквозь него я видел
Лунный свет,
Мерцающий в ночи!

О, дерзость, дерзость,
О, неслыханная дерзость! —
Коварно, с помощью обмана
Лишить могущества того,
Кто благороден!..
И не забывай о том,
Что **он** способен и тебя
Лишить могущества и силы!
Небо, ты видело **его**,
И, глядя на **него**,
Ты слёз не льёшь.
Благодарю тебя за то,
Что, как и ты,
Я слёз не ведаю,
Ведь, проливая их,
Я утолил бы ими
Жажду мести,
Которую в меня вселяют
Мужество и смелость!

Нет-нет, не слёзы лить,
А убивать, да, убивать врагов!
И пролитую кровь
Смешать с потоком слёз,
Дабы почтить их.
Что ж, мужайся, разум!
Пусть хлынет волнами,
Пусть льётся кровь
И в ней потонет
Малодушие юного ума!
Я буду убивать,
И я отправлю на тот свет
Тень Родериха вместе
С прочими тенями!

Крови! Я крови жажду, и она —
Моя единственная цель!

Лойбальд уходит.

[Третья сцена]

Зал в замке. Появляются Вердольф и Лотарь²¹.

Лотарь.

Друг дома нашего,
Покинув свой
Далёкий замок,
Явился ты сюда;
Скажи, что привело
Тебя в такую даль?
С тех пор как в мир иной
Ушёл хозяин замка
И отец его теперешнего
Молодого властелина,
Здесь стало так пустынно
И царившая когда-то в замке
Привольная и полная
Веселья жизнь,
Которую лишь изредка
Внезапно омрачали тучи,
Исчезла вместе с ним,
С могучим Зигмером.
Все траурные одеянья,
Надетые по случаю
Кончины властелина
Замка, износились, —
И замок превратился
В тихий и обременённый
Скорбью монастырь²².

Вердольф.²³

Неужто это так?..
Уж скоро минет год
Со дня кончины Зигмера!..

²¹ Осмысляя образы Лотаря и Вердольфа на фоне всего творчества Вагнера, можно с осторожностью предположить, что они – прообразы иных героев Вагнера: Вольфрама («Тангейзер...»), Курвенала («Тристан и Изольда») и Гурнеманца («Парсифаль»).

²² «И замок превратился / В тихий и обременённый / Скорбью монастырь». Изумительное сравнение замка с монастырём привносит в повествование неожиданный метафизический оттенок.

²³ Вердольф – друг Зигмера, поэтому он на стороне Лойбальда. И если учесть, сколько врагов наживёт Лойбальд по ходу разворачивающегося действия, то следует признать: такое союзничество – весомая поддержка.

Знай, Зигмер жив:
Он повторился
В образе родного сына,
Которому, как и ему,
Меч – друг и брат!
Пять лет тому назад
(Всё это время
Я был в сетях
Бесчисленных
Междоусобиц, распрей)
Я видел его, – в нём
Уже тогда проглядывал
Отважный рыцарь.
Он стремился
Разить врагов
И не глядел
На дев влюблённых
Нежным взором.
Неужели, —
Скажи мне, Лотарь —
Неужели Лойбальд
Стал другим?
Быть может,
В траурную скорбь
О том, кто **мёртв**,
Закралось горе неудач
Того, кто **жив**?

Лотарь.

Ты, Вердольф, ошибаешься!
Едва ли был на свете сын,
Который бы скорбел сильнее,
Теряясь в непрерывных
Помыслах об умершем отце! —
И Лойбальд ныне
Исчах от горя и печали!
Ведь **такая** скорбь
Сильнейшим ядом
Отравляет его юный ум
И омрачает нежное
Цветенье юности!
Его подвижный, острый ум
Стремится в бой, к мечу,
Ведь в нём живёт
Одна лишь мысль...
Его печалит смерть его отца.
Я предложил ему однажды,
Вердольф, устроить

Рыцарский турнир.
Он раздражён был тем,
Что мой совет изгнал
Из недр души его
Какой-то мрачный образ,
Рождаемый во тьме
Ещё более мрачной мысли, —
И бесстрастно, холодно ответил:
«Не хочу сражаться,
Ведь кто, если не я, **отплатит?..**»
А затем он, с нелюдимым видом,
Снова погрузился в свои мысли.
Знай, он склонен к одиночеству
Даже тогда, когда
Заботится о друге...

В тьме минувшей ночи
В плену был Лойбальд
У гнетущих, тяжких сновидений,
Он бормотал убийственные речи,
И, сурово понося всю свою жизнь,
Он трусом называл себя...

Я, растянувшись рядом с ним,
Не спал, и я старался
Избавить его очи
От тяжёлых сновидений.
Наконец, я разбудил его,
Но он, проснувшись,
Повелел мне спать.
Я сделал вид, что сплю.
Тогда, решив, что я уснул,
Он медленно прокрался в дверь;
А я последовал за ним.

Он шёл окутанными тьмой ходами,
В которых таял лунный свет,
Он направлялся в самый низ
Родного замка, и две тени,
Две мрачных тени были с ним:
Одну из них отбрасывал
Перед собой он сам,
Другая же спешила
Вслед за ним.
Я был его второю тенью.
Слушай! Когда же он, свернув,
Вступил в широкий ход,
В котором находилась
Давно изъеденная голодом

Седых времён гряда
Бесцветных склепов
Древних предков, —
Тогда меня окутал ужас,
И мне стало мниться,
Что я в плену у тёмных сил.
Я утратился самого себя,
И, перестав его преследовать,
Я оглянулся... вскоре
Моя же собственная тень
Гнала меня обратно в замок.

Вердольф.

О, я вне себя.
Как? – радостью или печалью —
Назвать то чувство,
Что в меня вселяет
Твой рассказ?
Я вижу: удручённый
Тяжким горем Лойвальд —
Человек достойный;
И я знаю: он меня услышит.
Если в нём живёт
Могучий, мужественный дух,
Я принесу ему
В его тяжёлой скорби утешенье.

Лотарь.

Утешенье? Утешенье?
О, повтори ещё раз это слово!
Как? Я дерзостью считаю
Утешать покойников!
Неужто, Вердольф,
Ты считаешь, что они
Способны пробудиться?

Вердольф.

Нет же! Нет!
Здесь утешенье
Принесёт лишь меч!

Лотарь.

Что хочешь этим ты сказать?
Смысл твоих слов
Мне не понятен.

Вердольф.

Объясню тебе, мой друг...
Ты стар и сед —
Ты знаешь, что такое
Рыцарская добродетель.
Так узнай же:
Зигмер был убит,
Убит одним трусливым псом,
Который не достоин
Называться человеком,
Ведь собачье подлое отродье
Наделено коварной,
Низменной душой!
Старик, ты меня знаешь,
И ты часто
Радушно отворял мне
Крепкие ворота его замка,
В котором меня
Ожидала дружба!
И к кому я обращал
Свой прямодушный взор, —
С тем я был честен,
Как и подобает немцу.
Усопший Зигмер был
Моим бесценным другом,
И я был защитником
Ему при жизни.
Но убит рукою негодяя Зигмер...
И я отомщу за его смерть, поверь!
Он был погублен ядом
Подлого злодея Родериха.
Пусть же Родерих погибнет!
Пусть примет смерть
За свершённое убийство!

Лотарь.

Господом клянусь!
Моя душа предчувствовала это!

Вердольф.

О, как верно то,
Что я мужчина, —
Так верно то,
Что **он** подлец!

Лотарь.

Нет, это невозможно!
Ибо Родерих всегда
Был другом Зигмеру!
Их связывали дружеские узы!

Вердольф.

Память твоя лжёт,
И ложны твои чувства!
Неужели ты не знаешь
О той вражде старинной,
Что была меж ними?

Лотарь.

И причиной их вражды
Была – не так ли? – Берта?
Берта, которая когда-то,
Презрительно отвергнув
Родериха, отдала себя
В супруги Зигмеру?²⁴
Вражде той слишком много лет,
Она покрылась пылью
И не в силах разгореться
Снова, Вердольф!

Вердольф.

Жёлчь затаённой злобы²⁵
Долго копит тигр,
Когда могучий лев
Лишит его добычи.
Но если тигр сумеет
Подстеречь уснувшего врага,
То выпьет кровь...

Лотарь.

Не слишком ли уж долго
Копил он гнев свой?

Вердольф.

²⁴ «...причиной их вражды /Была – не так ли? – Берта, /Которая когда-то, /Презрительно отвергнув /Родериха, отдала себя / В супруги Зигмеру?» Родерих отравил Зигмера из-за Берты.

²⁵ «Жёлчь затаённой злобы / Долго копит тигр, / Когда могучий лев / Лишит его добычи». Такие зооморфные сравнения – вполне в духе Шиллера, см., например, монолог Фиеско («Заговор Фиеско в Генуе», второе действие, восьмое явление).

Нет! Разбойнику не сразу
Удаётся совершить разбой.

Лотарь.

Ты поразил мой старый ум.
Моя душа предчувствовала это...
Но доказать ты должен
Правоту тех слов,
Что сказаны тобою ныне.
И если этих доказательств нет,
То я твоим словам
Поверить не могу.

Вердольф.

О, недоверчивый старик!
Сам подлый негодяй
Поведал мне об этом,
Когда, кичась своими
Прошлыми делами,
Сознался некогда
И в этом страшном деле,
Назвав его **убийством льва**.

Проклятый раб!
За речь такую,
Звучавшую в твоих
Устах кровавых,
Заплатишь жизнью ты!
Любой, услышав эту речь,
Не так к ней отнесётся,
Как хмельные слуги **волка**,
Которые готовы
С буйным ликованием
Внимать тебе
И слушать твой рассказ
О совершённом некогда
Тобою рыцарском поступке!
Остерегись! Из недр ночи,
Которую ты мнишь
Своей прислужницей,
Внезапно явится на свет
Карающий и грозный мститель!

Сюда я прибыл для того,
Чтоб обо всём
Поведать Лойбальду.
Я верю: речь моя вселит

В него неистовый, могучий жар;
И нет сомненья в том,
Что мною принесённое известье
Заставит его мстить
За смерть отца!
Избавить я хочу
Его от скорби и уныния, —
Я тысячу вселю в него
Горячих, страстных
Помыслов о мести —
И пробудится в нём чувство,
Изгоняющее скорбь,
Вселяющее жизнь
И устремляющее человека к человеку.

Лотарь.

И ты веришь в это, Вердольф?

Вердольф.

Ха! Конечно!
К чёрту все сомнения!
Но если Лойбальд
Не захочет мстить,
И если он не обнажит свой меч,
Дабы в отравленном чумой
Жилище кровопийцы
Совершить отмщение,
То плюну я ему в лицо —
И будет он покрыт бесчестием.
Я сам бы мог свершить отмщение,
И я достаточно силён для этого:
Ты, верно, видел,
Как мои холопы
Расположились здесь,
Под стенами немого замка...
Так как право
Мстить за смерть отца
Принадлежит лишь сыну,
В этом деле надлежит мне
Оставаться на вторых ролях.
Я вправе быть его сподвижником
И в помощь протянуть ему
Свою могучую, стальную руку.
Где же Лойбальд?
Нам следует спешить,
Покуда ад не подал знак
Коварному убийце,

Внушив ему
Предусмотрительность
И осторожность.

Лотарь.

Я сегодня
Его ещё не видел;
Я хотел его найти,
Весть о твоём прибытии
Нарушила мой план.

Из замкового двора доносятся трубные звуки, там раздаётся лошадиное ржание и слышится бряцание лат.

Вердольф.

Что это значит, друг?

Лотарь (*у окна*).

О, что я вижу!
Все холопы замка нашего
Коней своих выводят из конюшни,
И на их груди сверкают латы.
Лойбальда могучего коня
Его холоп обуздывает. Громко
Зов боевой несётся
Средь рядов бурлящих.
Да, ну и дела!
Впервые вижу я такое.
Слышу: во всех чертогах, башнях
Раздаётся эхо шума, лязга,
И ужасом охвачено оно.
Господь свидетель,
Странно это!
Как всё это необычно!

Вердольф.

Удивлён я. В чём, скажи,
Причина боевого зова?

Лотарь.

Появился Лойбальд!
Взор его пылает
Неистовым огнём!
И, Господом клянусь,

Таким его я никогда не видел!
Мнится, будто
Очи его – очи льва;
Его горящие и красные
От жара щёки опаляют
Всю бороду его;
И кажется: готов он
Растоптать ногами грех!
Не верю я глазам своим!
Скорее я поверю в то,
Что дьявол обуян
Благочестивым Божьим страхом!

Лойбальд (*выходит вперёд*).

Живо! Подать мне латы и оружие!
Эй, юноша! Где он?
Моё оружие!
Привет вам, Вердुльф, друг!
О, не смотрите на меня
Так удивлённо! Юноша!
Эй, юноша! Где ты?
Привет вам! Холла!
Кажется мне ныне,
Что время
Погрузилось в сон.
Ему пора проснуться!
Пробудись же, время,
Стань мгновением,
Дабы я смог стремительно
Через тебя перешагнуть!
Оружие! Я знаю:
Надо силой положить
Конец мучениям!
Но время...
Оно неспешно тянется,
Оно похоже
На ленивого сонливца.
Время! Остановись же!
Стань мгновеньем!
Украти свою
Гигантскую длину!
Подать мне латы!

Вердुльф.

Хо! Ого! Не так неистово! Хо-хо!
Скажи, что стало
Этого причиной?..

Лойбальд.

Нет! О причинах ни полслова!
Их отравляет ярость.
Где же пропадает
Мой юноша-слуга?
Дай, Вердольф, мне своё оружие!
Знай, нет на свете человека,
Который жаждал бы его
Сильнее, чем твой Лойбальд.

Вердольф.

Не спеши! Не так проворно,
Юный дворянин!
Ты возбуждён, неистов, —
Не теряй же головы!
Ответь, что привело тебя
В такое состоянье?

Лойбальд.

Ты с бородой —
Не расточай же
Понапрасну слов!
Прочь пустословье!
Парень, эй! Холла!
Дай, Вердольф, друг,
Своё оружие мне взаймы!
О, Боже, если б моя кожа
Была железной,
Я бы не нуждался в латах!
Да!.. Ух, как скулит **он!**..
Где же, где же
Мой юноша-оруженосец?!
Пусть сей миг
Он явится сюда!
Иначе придушу его!

Вердольф.

Когда ты, Лойбальд, замолчишь,
Я молвлю своё слово!

Лойбальд.

Нет! Поменьше слов, иначе
Твоим речам несдобровать!

Вердольф.

Послушай, ты намерен
Совершить напрасное,
Пустое дело.
От него хочу тебя я удержать,
Желая устремить твой меч
На путь **иной** борьбы.

Лойбальд.

Не говори так,
Бог свидетель!
Ведь твои слова —
Отрава для меня!
Умолкни и не насмехайся
Над благородным жаром,
Что меня снедает! —
Юноша! Эй! Эй!
Подай мне латы! —
Замолчи, сказал я!
Лучше одолжи мне, Вердольф,
Своё оружие!

Вердольф.

Нет, я не дам тебе
Оружья до тех пор,
Пока чудовищный злодей,
Предатель Родерих
Не обагрит его
Своею кровью...

Лойбальд.

Родерих?
Он перешёл тебе дорогу?..

Вердольф.

Его кровь должна
Умилостивить дух того,
Кто друг мне!..

Лойбальд.

Как же много натворил злодей!

Вердольф.

Он совершил **одно** убийство,
И к небу вопиет оно.

Лойвальд.

Ты лжёшь!
Он стал убийцей **дважды**.

Вердольф.

Нет! Неправда!
Нет, это ты лжёшь! Говорю тебе,
Им свершено **одно** убийство,
Лишь **одно**, не более.

Лойвальд.

Знай, этот подлый негодяй
Убил злодейски моего отца.

Вердольф.

Он разом умертвил отца и друга.
Зигмер был твоим отцом
И моим другом.
И мне думалось,
Лишь я один об **этом** знаю...
Но откуда же, скажи,
Тебе известно **то**,
О чём я так хотел
Тебе поведать?

Лойвальд.

Думаешь ты, мнишь:
Земля беременна —
Ей никогда
Не породить на свет
Ту тайну, что сокрыта
В её недрах?
Знай же: если б тайна
Этого убийства
Скрывалась в чреве матери
Как первенец её,
То этот первенец
Готов бы был
Покинуть её чрево,

Ибо он силён,
И, заключённый
В отвратительной темнице,
Он давно томится
Сладостной надеждой...

Вердольф.

Что? О чём ты?
Я тебя не понимаю!

Лотарь.

Что? Темны слова твои.
Их смысла я не постигаю.

Лойбальд.

Хе! Неужто я опять
Охвачен сном?
О, Лойбальд, Лойбальд,
Устремись вперёд!
Холла! Оружие!
Мой юноша-оруженосец! Небо!
Будь прокляты твои слова!
Я ввергнут ими в сон!
Он тысячу мучений
Примет от меня,
Ведь по его вине
Я, сонный, медлю,
Оставаясь здесь!
Но где же, где же
Юноша-оруженосец?
Холла! Холла!
Эй, юноша,
Поддай моё оружие!

Появляется юноша, несущий вооружение.

Ну наконец-то!
Где ты пропал?
Что задержало тебя
На пути ко мне?
Ответь мне,
В чём причина опоздания?

Юноша.

Причина – ржавчина,
Покрывшая оружие,
Которое лежало
Без употребления.

Лойбальд.

Густейшей ржавчиной
Покрылось – ха! —
Моё блестящее оружие! Но скоро
Оно, сверкая, обагрится кровью
Этого проклятого
И преисполненного яда пса!
Поддай набедренники!

Вердольф (*Лотарю*).

Не теряя времени, пошли, старик,
Кого-нибудь под стены замка,
Чтобы передать моим холопам мой приказ:
По коням! Скоро грянет бой.

Лотарь.

Я так и сделаю. (*Уходит.*)

Лойбальд.

Зачем? С какой же целью, Вердольф?..

Вердольф.

Не спрашивай об этом, Лойбальд.
Им должно вместе с нами
Отправляться в путь
И следовать навстречу Родериху.

Лойбальд.

Нет! Забудь об этом!
Выбрось эту мысль из головы!
Я отомщу за смерть отца.
Мстить за отца – долг сына!

Вердольф.

О, не будь глупцом!
Мне надлежит принять
Участие в отмщении!

Лойбальд.

Пустые бредни!
Вердुльф, в этом деле
Ты не соперник мне!

Вердुльф.

Твоё упрямство —
Детские капризы!

Лойбальд.

Не раздражай меня!
Знай, если встречу я тебя
На поле брани, Вердुльф,
Меч свой обращу
Против тебя, насмешника!

Вердुльф.

О, горе тебе, Лойбальд!
Гибель ждёт того,
Кто насмехается над дружбой!

Лойбальд.

Живо! Время не ждёт!
Я всей душою жажду крови!
И если я не истреблю
Весь род коварного убийцы,
То я исчахну и погибну
Под тяжёлым гнётом
Исступлённой страсти!

Вердुльф.

Нет! Я действую иначе:
Мой долг велит мне
Помогать тому,
Кто мстит за смерть отца.

Появляется Лотарь.

Лотарь.

Холопы твои, Вердुльф,
Сели на коней.

Вердольф (*Лойбальду*).

Так в чём, скажи,
Последнее решенье
Твоей воли?

Лойбальд.

Дай клятву мне,
Что лишь **мой** меч
Найдёт дорогу к сердцу
Родериха и сольётся
С его кровью в поцелуе!

Вердольф.

Я клянусь тебе!

Лойбальд.

Кровь его рода
Мне принадлежит!
Клянись мне в этом!

Вердольф.

Кровь **убийцы** —
Награда **твоему** мечу!

Лойбальд.

Что ж, надеваю шлем на голову!
Всё, всё тебе даю:
Вооружись на бой!
Я в предвкушении:
Скоро хлынет кровь
Изменника-убийцы!..
Холла!
Забудь об отравленьях, Родерих!
И пусть они исчезнут навсегда
С лица земли!
Они – её бесчестье и позор!
Изобрести бы тысячу
Различных видов смерти,
Чтоб покарать твой чёрный,
Твой змеиный род!

Лотарь.

Постой! Постой!
О, юный дворянин!
Опомнись! Не спеши!
О, не иди на преступление!
Мсть – дело справедливое,
Жестокость – нет²⁶.
Пусть Родерих поплатится
За совершённое убийство!
Карай злодея Родериха,
Но не род его, ведь род его
Ни в чём не виноват!
Не та позорна мсть,
Которая омыта кровью,
А та, которая не знает
Жалости, поверь!

Лойбальд.

Не раздражай меня,
Холодный
И бесстрастный умник!
Страданию – честь!
О жалости ни слова!
Ведь жалость —
Бледная блудница.
И она, вселяя страх,
Мешает совершить
Кровавое отмщение!
Как только это дикое,
Мучительное чувство
Согреет и растопит
Своим жаром сердце,
Все остальные чувства
Превратятся
В набелённых потаскух!

Снизу доносится сигнал трубы.

Вот! вот!
Я слышу громкий голос
Медного герольда,
Зовущего меня
Исполнить долг!
Готов он лопнуть,
Ибо он уверен,

²⁶ «Мсть – дело справедливое, жестокость – нет». Лойбальд намеревается умертвить не только Родериха, но и весь его род.

Что я умолк в объятьях сна.
Встреть радостными
Восклицаньями
Несчастливого отца
И искупи его страданья!
Вперёд! вперёд!
Иначе он меня,
Бездельника, осыплет
Гневными укорами!
О нет, он этого
Не станет делать,
Ибо я сумею
Жестоко отомстить
За его смерть!

Лойбальд устремляется прочь.

Лотарь.

Стремительно, как ветер,
Улетел он прочь!
Откуда в нём такая ярость?
Чем она порождена?
Она взялась неведомо откуда!
О, глубокая здесь тайна скрыта...
И не приведёт к добру всё это.

Лотарь и Вердольф уходят.

[Четвёртая сцена]

Пещера ведьмы²⁷.
Из-под земли появляется земной дух.
Он кричит вниз.

Земной дух.

Хозяйка вышла погулять —
Прочь страх! Вы можете взлетать!
Ко мне! Оставьте все заботы!
Сюда! Прочь тяготы работы!

Из-под земли появляются земные духи.²⁸

Один дух.

²⁷ Пещера ведьмы. В сцене с ведьмой заметно влияние первой части «Фауста» Гёте.

²⁸ Здесь, в четвёртой сцене первого действия, «на смену» бандитам, проходивцам, рыцарям, аристократам и их сторонникам приходят самые настоящие инфернальные силы.

Когда хозяйки нашей нет,
Для нас открыт весь белый свет!
Мы снова можем прыгать, бушевать!
Хозяйки нет, – ей нас не удержать!

Другой дух.

Так будем же скакать и веселиться!
Сей миг не скоро повторится!

Второй дух (*обращаясь к первому духу*).

Хозяйка наша ищет приключенья?

Первый дух.

Эй! Эй! Не за горами тяжкие мученья!
Хозяйка наша глупое создание:
Она желает знать, когда наступит её смерть.
Но лишь она сюда нагрянет,
 вновь начнутся наши жуткие страдания,
Возобновится злая круговерть.
Хозяйки нет – и потому нам нечего скрывать,
Мы можем ныне поболтать;
Но скоро к нам она вернётся —
И наша радость захлебнётся.

Другой дух.

О, если б вы могли тут наверху роиться и кружиться!
Но не позволено вам прыгать и резвиться!
Услышав вас, наставница сейчас же прилетит сюда
И всех вас заточит под землю, как всегда.

Дух (*обращаясь к другому духу*).

Зачем, скажи, пещеру оставляя нам,
Она стремится вдаль, будто спешит на пир?

Другой дух.

Не доверяя резвым шалунам,
Она желает лично поглядеть на мир.
Умнее нас она себя считает,
Но в жизни ничего не понимает.

Духи (*ликуя*).

О, хайза! Хайза! Позабудем в радости невзгоды!

Мы снова сыновья свободы!

Один дух.

О, как мне жалки те друзья,
Которым эту радость испытать нельзя!

Другой.

Они не духи: они люди,
глупостью свои венчающие дни,
И наказание несут они...
Способен дух избавиться
от всех проклятий, нет сомненья!
Но проклятому человеку нет спасенья!

Духи.

Вращайтесь!
Не стойте немymi столбами!
Смыкайтесь!
Не будьте замёрзшими пнями!
Радостный круг скорее замкните!
Танцуйте! Пляшите! Ревите!
Пусть эхо пещерное весело дышит!
Наша хозяйюшка нас не услышит!
Живо! Смелее! Прочь опасенья!
Вот вам награда за ваши мученья!
Парни наставницу хитро надули
И из расселины вмиг улизнули!

Раздаётся испуганный крик.

Дух.

Кто это? Что происходит? Кто там кричал?

Становятся видны две ноги, барахтающиеся в расселине скалы.

Голос (*кричит*).

О! О! О! О! Помогите! В тиски я попал!

Один дух.

Это Карбункул! В скале он застрял!

Другой.

Скорее на помощь! Иль парень пропал!

Они вытаскивают Карбункула из расселины.

Карбункул.

Благодарю, приятели, за тяжкий труд,
который требовал
могучей и стальной руки!
Что вы стоите и смотрите на меня, как дураки?

Один дух.

Карбункул! Откуда явился ты? Молви хоть слово!
Какими судьба́ми мы свиделись снова?
С Карбункулом нам удалось повстречаться!
Но чую: нам скоро придётся расстаться!

Карбункул.

Хозяйка наша наверху сейчас.
Желая быть умнее нас,
Она, не ровен час, сюда нагрянет
И, как всегда, не к месту встрянет.

Дух.

Она безмерно любит колдовать,
Но ей высокого искусства не понять!

Карбункул.

Повсюду рыская и пробираясь в дальние края,
Избавиться от тяжких мук хотел бы я.
Шмыгнув в расселину,
я в щель скалистую забрался
И рад, что с вами снова повстречался.

Дух.

Нам не понять того, кто вниз спешит.
При мысли о подземных недрах нас тошнит!

Другой дух.

Мы страстно ввысь стремимся, как всегда.
Все наши помыслы направлены туда!

Карбункул.

В бескрайнюю высь
я хотел воспарить
(высь наивных влечёт),
Я думал: мы в ней
устремимся в свободный полёт!
Кто там, под землёй,
пред хозяйкой себя не уронит,
Тому она ввысь устремиться позволит!
«Вам будет отрадно вверху!» – говорит она нам.
Я был наверху – и не верю подобным словам!
Вверху тяжелейших страданий не счесть, —
К чему нам такая великая честь?
Такие труды – непосильная ноша,
И я не хочу надрываться, как лошадь!

Дух.

Слова твои странны и сеют сомненье.
Мы думали, ждёт нас вверху наслажденье.
Уж лучше останусь внизу! Прочь заботы!
Внизу мне привычней, там меньше работы!

Другой дух.

О горе! Я вижу хозяйку. Сейчас
Она будет здесь и накроет всех нас!

Сверху со скалы спускается ведьма. Духи исчезают, Карбункул остаётся.

Ведьма.

Эй! Эй! Я слышу шум и гам!
Опять раздолье шалунам?
Что там в расселине мерцает?
Кто там себя испуганно скрывает?
Быть может, света ему мало?..
Карбункул, я тебя узнала!

Карбункул визжит.

Ведьма.

Визжит он, спрятавшись во тьму;
И мне понятно почему!

Лентяй и бездельник, ты скверно трудился!
Отлынув от дел, ты на землю спустился!
За это тебя покараю! Мужайся!

В подземные недра, лентяй, возвращайся!

Карбункул.

Желая меня наказать,
внезапно меня награждает!
Меня, подъярёмого,
менее тяжкое иго внизу ожидает!

Карбункул исчезает.

Ведьма.

Юнцы не смогли ничего разузнать,
Мне с горечью следует это признать.

Мать моя тысячу лет жила,
Дольше прожить она не смогла.
Ни чарами властными, ни ворожбой
Она не сумела сладить с судьбой.
Со мной расставаясь, она предсказала:
Наступит мне смерть. Только этого мало:
Скитаясь в долинах мирской круговерти,
Узнать я хочу **время** собственной смерти.
Мне чудится всюду её приближенье.
Моё колдовское искусство – мученье!..
Я чую, сюда держит путь человек-прохиндей.
Иди же ко мне, продувной лиходей!

Появляется Фламминг.²⁹

Фламминг.

Ты тоже бранишься, ведьма? Думаю, пока Земля не прейдёт, мир не изменится и останется прежним. Дай мне присесть, я устал. Клянусь своей честью, чтобы узреть будущее, нужно в него устремиться!

Ведьма.³⁰

Садись на череп, придя к куме!
Что ты таишь в своём уме?³¹

Фламминг.

Ты любезничаешь с помощью черепов, ведьма? Что я таю в своём уме?.. Скажи мне, способна ли ты истолковывать привидения?

²⁹ Ведьма и её приспешники изъясняются в рифму, Фламминг же, как и в первой сцене, – прозой.

³⁰ В ведьме трагедии «Лойбальд» проступают **некоторые** черты иных – грядущих – героинь Вагнера: Ортруды («Лоэнгрин») и Кундри («Парсифаль»).

³¹ Более поздняя музыкальная эстетика Вагнера убеждает в том, что «партию» ведьмы могло бы исполнить драматическое меццо-сопрано.

Ведьма.

Эй, глупый юнец, к чему вопрошанья?
В грядущее смотрят мои предсказанья.

Фламминг.

К чему хвастаться тем, что находится в твоих силах? Около замка Лойбальда появляется привидение. Скажи, что стало этому причиной?

Ведьма.

Зерцало говорит моим очам:
Там призрак бродит по ночам.

Фламминг.

Эй, призрак ли это, или сам чёрт, – я спрашиваю тебя, седая, что это значит?

Ведьма.

Такое любопытство я прощаю.
Всё расскажу тебе, что знаю.

Делая странные жесты перед зеркалом.

Мяукает кошка, кричит петух...
Тух-тух! тух-тух!
Лягушка и жаба скачут в могилу;
Гиллу! гиллу!

Фламминг.

Если это не бессмыслица, то в своей жизни я не сказал ничего умного! Клянусь своей честью, она ни слова не понимает из того, что говорит.

Ведьма.

Мой сын, не мешай, дай свершить заклинанье, —
Получишь ответ на своё вопрошанье.

Как прежде.

Мяукает кошка, кричит петух...
Тух-тух! тух-тух!
Лягушка и жаба скачут в могилу,
Гиллу! гиллу!

Кудахчет курица, урчит кот,
Филин внебрачным отцом слывет!
Са хай! Са хай! Ворон крылом губит свет,
И тусклого света больше нет!

Обращаясь к Фламмингу.

Там! в зеркале! внутри!
Получишь ответ! смотри!

Фламминг.

Клянусь своей душой! Что за чертовщина! Да чтоб тебя!.. Такое чувство, что мои глаза стали хмельными! Э, да там, в этом зеркале, сидит сам чёрт!

Ведьма.

Не утруждай его чрезмерно:
О нём забочусь я всесердно.

Фламминг.

Эй, ты так заботишься о нём, ибо всё это – его чары!

Ведьма.

Он бабку обманул мою, шутя,
В её утробу положив дитя.
Их жизнь грызня была,
Рожающая злые чувства,
Но бабка выведать смогла
Секреты чёрного искусства
У чёрта. Мать моя была
Благопристойное создание:
С проклятием она меня на свет произвела,
Как будто миру в назиданье.
Теперь же чёрт ко мне настойчиво стремится,
Чтоб позаимствовать мои познания,
Но моих юных подмастерьев вереница
С позором провожает все его дерзанья.

Как странен ты, сюда пришедший!
Жестикулируешь ты, словно сумасшедший!

Фламминг.

Ты так считаешь?.. О да! Лойбальд дерётся с Родерихом!³² О да! Я знаю, что мне следует делать! Отлично, ведьма, превосходно! Очень хорошо! Я отправляюсь пешком к Родериху! Идёт? Он должен меня принять! И если этот плут сидит в седле, то он – эй! – будет начеку. Благодарю тебя, ведьма. Я иду к Родериху.

Ведьма.

Стой, неотёсанный! К чему такое рвенье?
Хочу я получить вознагражденье!
Быть может, в вашем мире принято иначе...
Но в нашем мире плата много значит!
И знай: (поведаю тебе приватно)
Я – ведьма – и колдую не бесплатно!

Фламминг.

Деньги? В другой раз, Лизхен! Подожди до следующего раза. Пусти меня, моя копилка, пусти меня, я должен уходить!

Ведьма.

Плати! И не пытайся увильнуть!
Знай, грубиян, тебе меня не обмануть!

Фламминг (*в сторону*).

Неужели я не сумею тебя обмануть? Обман – мой единственный путь! (*Обращаясь к ведьме.*) Завтра я принесу тебе золото и серебро. А теперь отпусти меня! Я уйду.

Ведьма.

Да будет так, плутишка. Не дразни чудовищ!
Я завтра жду твоих сокровищ.
И если в девять дней не принесёшь их мне домой,
То ты, пройдоха, будешь мой!

Фламминг.

Неужели? Я стану твоим? Клянусь моей душой, если ты что-то затеяла, блюдя свою выгоду, то так тому и быть! Хай! Она сама побуждает меня к тому, чтобы я обвёл её вокруг пальца. Я стану принадлежать ей? Почему же нет? Это столь же выгодно, как если бы я дарил ей уже проданную овцу. Я буду принадлежать ей? Эй, я подарю ей кусок самого чёрта! Я стану принадлежать ей? Я себе не принадлежу: чёрт так часто хватал меня за глотку, что я стал принадлежать ему! Я буду принадлежать ей? Что ж, она намерена поспорить за меня с самим чёртом! Клянусь моей честью, ведьма, ты должна меня подчинить себе! Один хитрый трюк – и удача в кармане! Я иду к Родериху. И если Лойбальд не сдохнет, то я ничего не смыслю в призраках!

³² «Лойбальд дерётся с Родерихом!» Очевидно, Фламминг узрел в волшебном зеркале ведьмы будущее.

Удаляется.

Ведьма.

Проворная душа, сующаяся всюду,
Подобна загрязнённому сосуду;
И парню этому чрез девять дней
Придётся стать добычею моей!

Удаляется.

[Пятая сцена]

Лес. Бертинг, Брайшальд и несколько холопов.

Бертинг.

Не видел ли ты моих холопов?

Брайшальд.

Я видел их издалека. Они поджидают на узкой дороге. Сдаётся мне, они готовы совершить улов. Даю слово, я люблю вступать в драки, но я не хотел мешать и спугивать дичь.

Бертинг.

Кого же они там подкарауливают? Эта дорога пользуется дурной славой; и меня удивляет, что Фламминг сумел на ней кого-то поймать. Говорю тебе, Брайшальд, мы должны нанести крепкий удар, иначе нам больше не пировать. Как ты на это смотришь?

Брайшальд.

Как? Жить, словно пёс в конуре? Скажи об этом тем парням, всё мужество которых способна вылакать кошка! И если мне не видать ни девок, ни вина, то я готов прямо сейчас отправиться к дьяволу! Направь меня в самую гущу драки, и я посмотрю, чья возьмёт!

Бертинг.

Ты дельный парень! Сдаётся мне, сюда приближаются мои холопы.

Брайшальд.

Они летят так, словно за ними кто-то гонится!

Бертинг.

Кого же они сюда доставят?

Брайшальд.

Самих себя!

Бертинг.

Чёрт бы их побрал! Как? словно летний день, заставляющий ждать ночь, они заставили меня томиться в ожидании и никого не сумели поймать!

Брайшальд.

Тихо! Тихо! Они доставили сюда какого-то парня.

Появляются холопы, с ними гонец.

Холоп.

Господин! Мы сумели поймать гонца, но он не хочет сознаваться в том, куда и с каким известием он послан. Допроси его!

Бертинг.

Почему же ты не хочешь отвечать, подлец? Тебя ждёт смерть, если ты не заговоришь!

Гонец.

Честный парень скорее умрёт, чем покорится силе.

Брайшальд.

Скажи об этом самому себе, парень! Вот тебе, тварь!

Бьёт его.

Бертинг.

Ты не желаешь говорить? Вывихните ему суставы и узнайте всю правду!

Холопы бросаются на гонца. Спешно приближается другой холоп.

Холоп.

Господин! Повелитель! Пусть этот гонец убирается восвояси: я вижу вдали облако пыли...

Бертинг.

Облако пыли? Кто же это?

Холоп.

Господин, сюда мчится верхом пятнадцать парней.

Брайшальд.

По коням! холла! кони!

Бертинг.

Это – хозяин гонца! Холла! Холла! Моего коня! Будет отличный улов! Вперёд!

Он вскакивает на своего коня и вместе с другими устремляется вперёд.

Гонец и один из холопов остаются.

Гонец.

О горе! Это граф Альберт! Впрочем, если они будут храбро сражаться, то они сумеют спастись.

Холоп.

Чего ты там бормочешь, парень?

Гонец.
Чего тебе надо?

Холоп.
Эй, парень, ты грубо меня оборвал – получай же в морду! (*Даёт ему оплеуху.*)

Гонец.
Бей же, бей, подлец! Дело может перемениться!

Холоп.
Перемениться? Кто может перемениться? Ты хочешь изменить мой нрав? Ты хочешь сделать меня изменником? За это я буду терзать тебя и в аду, подлец!

Гонец.
Ты не найдёшь в аду ни одного честного парня.

Холоп.
Я не найду в аду ни одного честного парня? Ты полагаешь, я отправлюсь в ад? Я – в ад? Вот тебе ответ! (*Бьёт его.*)

Гонец.
Невзирая на меч и копьё, я дам тебе свой ответ. (*Бьёт его.*)

Холоп.
Ты ударил меня? Клянусь своей душой, этого я не потерплю!

Он бросается на него, они борются, гонец видит путь спасения и убегает.

Холоп.
Да чтоб тебя!.. Не хватай меня за глотку! Па! Куда же он скрылся? Неужели он растворился в воздухе? Неужто он был сделан из воздуха? Нет, это не так, ибо тот, кто сделан из воздуха, никого не хватает за глотку. Думаю, этот парень убежал прочь.

За сценой слышны удары мечей.

Что я тут делаю? Думаю, для меня самым лучшим было бы тоже убежать отсюда, покинув это место, иначе моя душа покинет моё тело. Клянусь моей честью, Бертинг скор на решения... Сдаётся мне, этот парень в крови... Бегу отсюда прочь.

Убегает.

Через некоторое время появляются Бертинг, Брайшальд, Альберт и холопы.

Бертинг.
Вперёд! Вперёд! За дело! Брайшальд, заведи холопов и гонца в замок!

Брайшальд.
Эй, я не вижу ни гонца, ни холопа.

Бертинг.
Где они? Убежали! Клянусь своей честью, тот, кого мы оставили с гонцом, – не самый отважный парень. Они оба не многого стоят. Что ж, Альберт, откуда ты и куда?

Альберт.

Я не желаю тебе отвечать. Убей меня, мне не нужна моя жизнь!

Бертинг.

Так ты заодно с этим холопом? Вырвите у него всю правду!

Несколько холопов валят Альберта на землю, хватают его за руки и за ноги и пытаются вывихнуть ему суставы.

Альберт.

О, это страшнее смерти.

Бертинг.

Говори всю правду! Ты будешь говорить или нет? Подумай!

Альберт.

Я не желаю говорить, но я вынужден это сделать. Остановитесь! Я по чести скажу тебе всю правду!

Бертинг.

Стойте! Оставьте его! Говори же! Откуда ты?

Альберт.

Я следую из замка Родериха и направляюсь домой.

Бертинг.

Что же ты делал у Родериха?

Альберт.

О, для меня это ещё более страшная мука!.. Я сватался к его дочери.

Бертинг.

И ты был отвергнут, не так ли? Ну же! Ну же! Скажи, она прелестное дитя?

Альберт.

Она слишком красива для меня, вот почему мне пришлось от неё отступить!

Бертинг.

Упрямое дитя! Клянусь моей честью, она – упрямая малышка! Что ж, посмотрим, отвергнет ли она **меня!** Клянусь честью, она должна стать моей! Вперёд, холопы!

Альберт.

О, она не для тебя! Она ангел!

Бертинг.

Какое мне дело до ангела? Она – плоть. Плоти я хочу, плоти и плотских утех. Холла! Брайшалд, забери Альберта в мой замок. Я добуду эту деву из замка Родериха! По коням! По коням! В седло, холопы! Вперёд! Я излечу её от её упрямства!

Все удаляются.

Второе действие

[Первая сцена]

В укрепленном замке Родриха. Агнес и Аделаида.³³

Аделаида.

Возлюбленная мать!
О, не терзай любовью
Моё несчастное,
Измученное сердце!
Оно любви не жаждет.
Знай: прекрасна та любовь,
Которая сама нашла свой путь...

Агнес.

О, несмышлёное дитя!
Ты неразумна, ибо хочешь
Отвергнуть, оттолкнуть его!..
Не любишь ты его.
Скажи, любила ль
Ты его когда-нибудь?

Аделаида.

Возлюбленная мамочка!
Нет, никогда!
Нет, никогда его я не любила!

Агнес.

Но тогда о ком же
С такой любовью ты вздыхаешь?

Аделаида.

Что? С любовью я вздыхаю?..

Агнес.

Мы краснеешь! Отвечай мне,

³³ *Аделаида*. По собственному признанию Вагнера, образ Аделаиды навеян одноимённым произведением Бетховена (opus 46).

Кто стал причиной твоего томленья?

Аделаида.

Стал причиной моего томленья?..

Агнес.

Как зарделись твои щёки!
Вижу, тебе трудно говорить!..
Ответь же мне,
Кого ты любишь?

Аделаида.³⁴

О, возлюбленная мать!
Знай: никого я не люблю!

Агнес.

Так отчего же
На твоих щеках румянец?

Аделаида.

На моих щеках румянец?..

Агнес.

Краснеют щёки
Всё сильнее и сильней!
О, несмышлёное дитя!
Не скрыть тебе своей любви!
А завтра явится жених,
Он более не спросит о любви;
И стать должна ты будешь
Его супругой. Боже,
Ты в силах всё переменить!..

Так позаботься
О своём наряде, дочь, а я...
Я постараюсь заглушить
Предчувствия, которые
Роятся в моём сердце.

Агнес уходит. Аделаида берёт лютню.

³⁴ Более поздняя музыкальная эстетика Вагнера убеждает в том, что «партию» Аделаиды могло бы исполнить драматическое сопрано.

Аделаида.³⁵

Ах, горе, моё сердце,
О, как ты печально!
Излейся, сердце, тысячью
Прекрасных, нежных звуков
И его имя славою почти!

Играет на лютне и поет.

Всё моё сердце содрогается в смятении
Пред грозной силой неизведанных страстей;
И, сладостное имя повторяя в исступлении,
С любовью жду я радужных вестей.

Потоки радости уносят прочь мою печаль,
я верю чуду,
Когда мне «Лойбальд! Лойбальд!»
слышится повсюду.

Ты моё сердце озарил
лучистым, радостным сияньем;
Все помыслы мои – тебе;
Моим любовным, сладостным терзаньем
Я вручена твоей судьбе.

А эхо, вторя: «Лойбальд! Лойбальд!» —
весело ликует
И радостную песнь воркует.

Появляется Гундхен, у неё в руках наряды.

Гундхен.

Ах, барышня, вы снова тоскуете о своём возлюбленном; я же явилась, чтобы нарядить вас в свадебное платье, ведь вы выходите замуж за другого... О чём вы думаете?

Аделаида.

О, моя Гундхен, помоги мне и завтра, и послезавтра скоротать время, слушая твои весёлые и остроумные речи. Ничего иного я слышать не желаю.

Гундхен.

Если бы Лойбальд услышал это, то он позавидовал бы моему остроумию.

Аделаида.

Научи меня своему остроумию, дабы я могла высмеять своё положение невесты.

Гундхен.

³⁵ Песнь Аделаиды – сольный лирический эпизод, вне всякого сомнения, навеянный балладами Шиллера.

Чтобы услужить вам, моё остроумие должно оставить в стороне всякие шутки. Сейчас не до смеха, барышня, и любая шутка неуместна, ибо о вас необходимо как следует позаботиться.

Аделаида.

Ты так считаешь?

Гундхен.

А что если вам убежать из замка?

Аделаида.

Гундхен! Бежать? Подумай, что ты говоришь!

Гундхен.

Что же вы намерены делать?

Аделаида.

В любви я хочу положиться на Бога.
Неужто, вселив в наше сердце любовь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.